

ДИРИЖАБЛЬ

альманах-альбом

ВЫПУСК ВОСЬМОЙ

terra inexploratus
(утопии)

НИЖНИЙ НОВГОРОД

1998

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Николай Гнетнев (Н.Новгород)	4
Леонид Шевченко (Москва)	5
Юрий Шпак (Ставрополь)	5
Андрей Стрелков (Н. Новгород)	18
Александра Сандомирская (С.-Петербург)	28
Даниил Да (Сочи)	32
Андрей Битов (С.-Петербург)	45

ПРОЗА

Марина Москвина (Москва)	22
Андрей Шелудяков (Красногорск)	30
Карло Карра (Милан)	33
Евгений Стрелков (Н.Новгород)	35
Сергей Тиханов (Новосибирск)	38
Евгений Стрелов (Москва)	40
Михаил Погарский (Красногорск)	41
Евгений Стрелков (Н.Новгород)	45
Андрей Стрелков (Н.Новгород)	53
Николай Гнетнев (Н.Новгород)	55
Татьяна Голикова	
Вадим Филиппов (Н.Новгород)	59

РЕДАКЦИЯ: Вячеслав Мазуров, Елена Спирина, Михаил Погарский, Евгений Стрелков (гл.редактор)

Адрес редакции: 603106, Нижний Новгород, а/я 17

Телефон редактора: (8312) 33 6049, 30 9420

Телефон в Москве (М.Погарский): (095) 564 5145

Телефон в Петербурге (В.Мазуров): (8312) 260 5904

Телефон в Казани (О.Хлыновская): (8432) 42 2777

РЕДАКЦИЯ БЛАГОДАРИТ ЗА ФИНАНСОВУЮ И ОРГАНИЗАЦИОННУЮ ПОДДЕРЖКУ АЛЬМАНАХА

издательство «ДЕКОМ», Н.Новгород, тел. (8312) 355474

издательство «БЕГЕМОТ», Н.Новгород, тел. (8312) 336569

агентство «СЕНДИ-ИНФО», Н.Новгород, тел. (8312) 384377

РИСУНКИ

Стас Светоченков (С.-Петербург)	3,
Николай Гнетнев (Н.Новгород)	4
Геннадий Урлин (Н.Новгород)	5,31
Вячеслав Мазуров (С.-Петербург)	6,9,46,50
Леонид Тишков (Москва)1	10-17,26-27
Андрей Стрелков (Н.Новгород)	18-21,45
Елена Мальцева (Н.Новгород)	28-29
Максим Михайлов (Н.Новгород)	32
Ольга Хлыновская (Казань)	33
Евгений Стрелков (Н.Новгород)	34,35
Елена Туманкова (С.-Петербург)	36
Николай Олейников (Н.Новгород)	38,39,44
Гуля Шакирова (Казань)	40,41
Дмитрий Дроздецкий (Тверь)	42,54,55
Дмитрий Покровский (Москва)	45
Ачи (Минск)	51
Андрей Филиппов (С.-Петербург)	52,53
Александр Спиринов (Н.Новгород)	56
Фридрих Карл Вэхтер (Германия)	58-61

ДИЗАЙН: студия «ДИРИЖАБЛЬ»

ВЁРСТКА: Евгений Стрелков, Дмитрий Хазан

Приобрести альманах можно у редактора, по почте наложенным платежом (прислать купон, см. стр.63), а также в магазинах:

Москва: «Эйдос», «19 октября», «Гилея»;

Н.Новгород: «Студенческая лавка» (пл.Минина),

«Гира» (ул. Горького, 107);

С.-Петербург: «Дом книги» (Невский пр.), «Борей»

Электронная версия альманаха подготовлена редакцией совместно с НИА «Сенди» и находится на сервере: <http://WWW.sci-nnov.ru>

Издательство «Чувашия», лицензия ЛР № 003 от 23.01.92, отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства «Чувашия», г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

формат 75x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 5. Тираж 500 экз. Заказ

неспешно двигаясь в струях прозрачного воздуха...

«Это... самая восхитительная часть дня... те самые качели между бодрствованием и сном, что сами по себе уже достаточный повод для нас не сожалеть о своём рождении».

Милан Кундера

«Голоса медуз и время, тенистые годы, шум водопада, и руки в земле погребённых статуй, и огромные тени аэростатов — всё забудется, всё позабудет вернуться... Сон... так падает ручка из рук».

«...берега позабыли воду, пароход позабыл прирону. Дачи хлопают крыльями крыш. Птица-чайка летит на север. Путешественник там замёрз... Руки моря кажутся белыми... они указывают в воздух».

Борис Поплавский

«Все мы заперты в двенадцать месяцев, как в двенадцать комнат с крепкими стенами, и выхода у нас нет, как только из комнаты в комнату. А ведь есть, поверьте мне, дворцы куда красивее, через которые нам никогда не суждено пройти, не говоря уже о лесах, что растут вокруг тех дворцов, да о райских куцах...»

«Я счастлив во сне, если можно быть во сне счастливым. Однако чувствую, что человеку не дано прочесть свои мечты, грамоты не хватает».

Милорад Павич

«Между тем все люди видят сны, только не всем дано запоминать их — закреплять в осязаемых образах».

— Не яблоки ли я видел? — думал Локонов. — Не себя ли я видел маленьким мальчиком, воруящим яблоки? Где же мой прекрасный сон, где же сон моей юности! — почти воскликнул Локонов и раскрыл глаза».

Константин Вагинов

Сергей ЗОЛОТУХИН

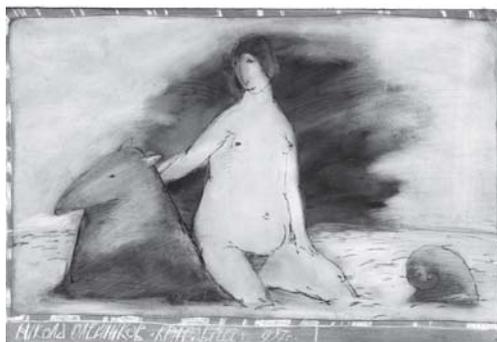
В начале было пиво и слово.
Я писал поперёк, густо заливая страницу пивом.
Написанное размывалось, и нельзя было прочесть строку, появившуюся минуту назад. Под солнцем пивные озерки высыхали. Слоны, пришедшие на пивопой, куда-то разбрелись. Буквы не проросли, так и оставшись прозрачными пьяными человечками.
Страница рассохлась и растрескалась.
Налетевший ветер развеял её в пыль.
Приходило желание заняться чем-то более конкретным.
Наступал седьмой день творения.

Это было в парке, когда дворники вычёсывали дорожки, как линяющих собак, когда птицы ныряли в глубину неба, а девушки ещё не расплавились.
Вода с хохотом убегала из пробитой трубы, и трава собиралась на водопой.
Опираясь о крыши, солнце нехотя поднималось, осматривалось по сторонам и нагревало пиво. Сигареты кончались, разговоры замолкали. Водки не было уже со вчера, а денег — ещё раньше. На Кремле пробили часы. Допив пиво, мы встали и пошли сдавать бутылки. Толстая Валя, взвесив в руке каждую бутылку, как кусок колбасы, отсчитала деньги. Легко хватило на красненькую и сигареты. Но праздника уже не было.

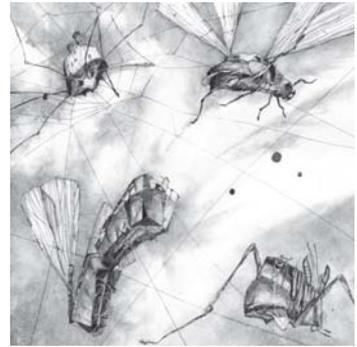
Николай ОЛЕЙНИКОВ

ТРАНСКРИПЦИЯ МИФА

красавица
леда
даная

По жизни должен быть практичным а по натуре оптимистом
Не слушать наставленья птички не вешать душу на шесте
Но как же это непривычно когда дела идут отлично
Ото всего что намечалось на белом жизненном листе
Как муху ловит паутина нравочений перекличка
Друзей советников знакомых не рвёт охотничью нить
Так убегает электричка так исчезает электричка
И неисполненным желаньям в прозрачном воздухе кружить
Что без тебя обширность спален когда душа забилась в угол
И день прошедший обезглавлен и город полон старых схем
Я прохожу маршрутом нашим
Но убегает электричка но исчезает электричка
Не навсегда а насовсем...

Пришедший день морочит корабли полощет пожелтевшие знамёна
Из глубины пуская пузыри всплывает туша дряхлого дракона
День — как всегда: изысканна природа матросы пьяны капитаны седы
Навечно неизменчива погода по пристаням звенят велосипеды
Над бочками с капустой виснут мухи всё движется тягуче как во сне
Старик в треухе ползая на брюхе пытается найти своё пенсне
Красавицы толкуются у витрины лоя расположение зеркал
Интеллигент откушав осетрины гипнотизирует пустой бокал
Меняя окончанье вечной пьесы картины нарисованной с натуры
Упали капли на пейзаж известный и ветром освежающим задуло
Застряло солнце в облачной решётке опутанное сеткою дождя
Смеётся небо с поцелуем звонким губами мокрыми по миру проводя

отрывок «Метро» из хроники «Замечательные Безумцы, или история Городских сумасшедших»

Однажды зимой наконец открыли метро и убрали заборы; замечательные городские сумасшедшие подолгу стояли на вновь открывшихся для них пространствах, молча любясь забытыми ракурсами.

Всеобщее помешательство первых дней работы метрополитена не коснулось наших героев — Известняк первый раз попал в метро где-то через полгода, причем чуть не грохнулся на эскалаторе. Для Талого поход в метро (а он решил прокатиться в апреле, когда понял, что так любимая им зима подходит к концу и вообще жизнь не удалась*) кончился плачевно: едва вступив на эскалатор, он заорал: «Ой! Ой! Людей не вижу! Одни бараньи головы!» — и из метро вышел уже связанный, в сопровождении санитаров. Крохобор же так и не спускался в метро и, наверное, уже никогда не спустится.

Вечерами, когда возвращался накатавшийся на трамваях Известняк, они пили чай, иногда даже с пряниками. Известняк садился с кружкой к окну, стараясь не пропустить сумерки, и иногда рассказывал Крохобору какие-нибудь пустяки. — Говорят, в метро видели Ивушку, — рассказывал Известняк, — он ходит по платформе, складывает ладони рупором и говорит: «Граждане, выходите из вагонов!» — Глупости ты говоришь, — отвечал Крохобор. — Я Ивушку хорошо знаю, Ивушка на такое не способен, и потом — если такого монстра, как Талый, метро поломало, то Ивушка — как можно его представить в метро?.. Ты бы ходил к Талому, — предлагал Крохобор. — Яблоку, что ли, отнёс, — предлагал, а потом вспоминал, чем это все кончится: пойдет Известняк на базар за яблоками, а окажется... и поправлялся: — Или я сам схожу.

Так они и прожили апрель: рано утром Крохобор уходил плясать к магазину, Известняк шёл кататься на трамваях, вечером пили чай, иногда ходили на Логовской переезд смотреть поезда и ждали Талого.

Талого выпустили после того, как сошёл снег, подсохла грязь и на ягодицах у него не осталось места для укулов. Талый пришёл домой часов в одиннадцать, ключа у него не было, и он устало опустился на ступеньки у двери. Замечательные городские сумасшедшие словно почувствовали его возвращение и в тот день вернулись пораньше. Как они обрадовались! Вечером все вместе пошли на Логовской переезд и смотрели поезда до темноты! Метро стало с тех пор для них запретным словом, а Баце, тому самому, который был уверен, что после того, как прокопают тоннели для метро, дома уйдут под землю, и поэтому вместе со своим другом Амёбой по ночам ходил с лопатами на строительство метро и засыпал котлованы землёй, Крохобор даже хотел подарить свой пиджак. И они даже специально поехали все вместе на Богаткова, но не нашли дом, где жил Баца.

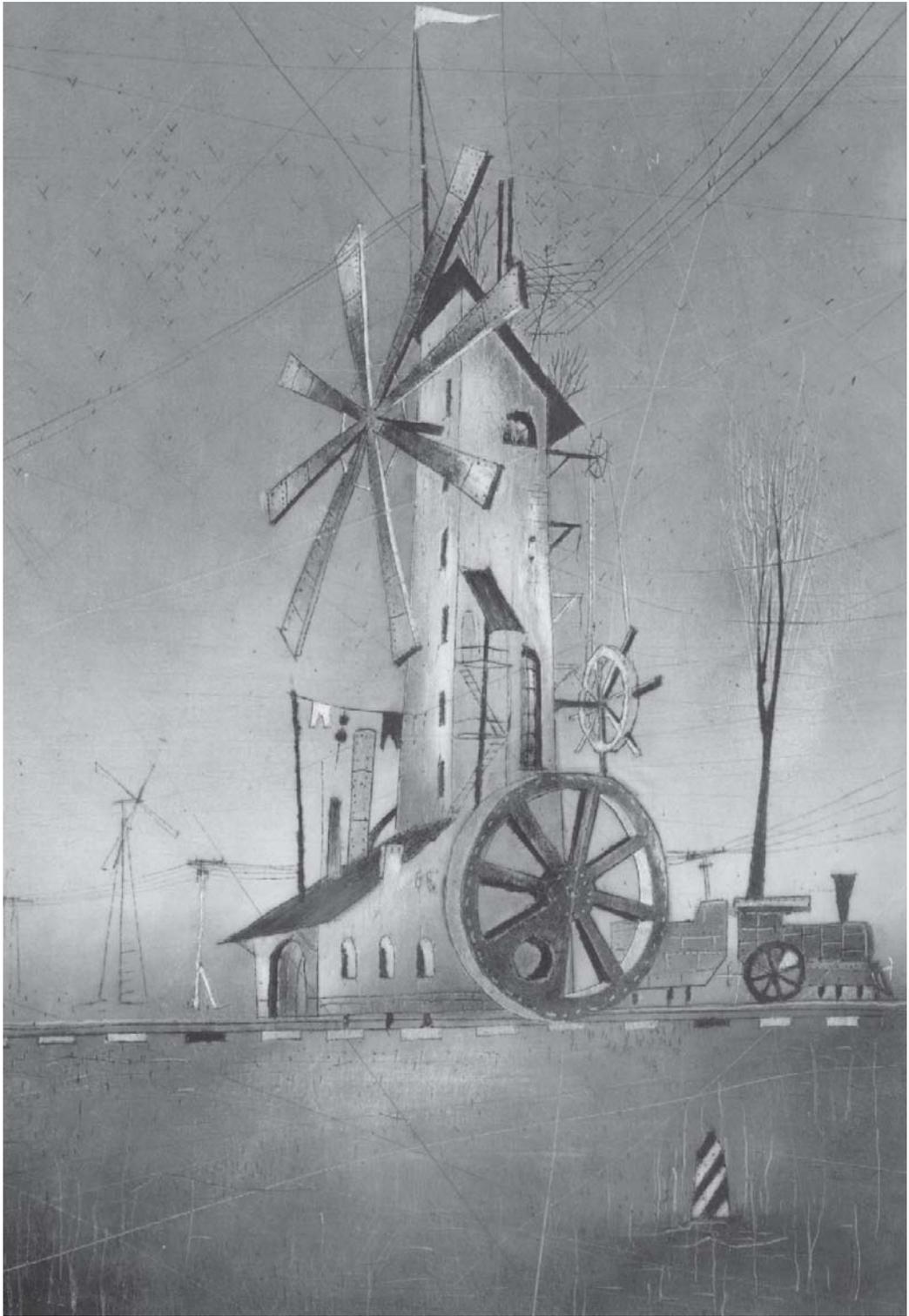
В мае по воскресеньям замечательные городские сумасшедшие ходили гулять на набережную и там познакомились с Володей, который успокоил их: «Комаров мы уничтожим!» Володя жёг на набережной костры и особенно любил жечь выброшенных кукол.

*) как будто есть удавшаяся жизнь.

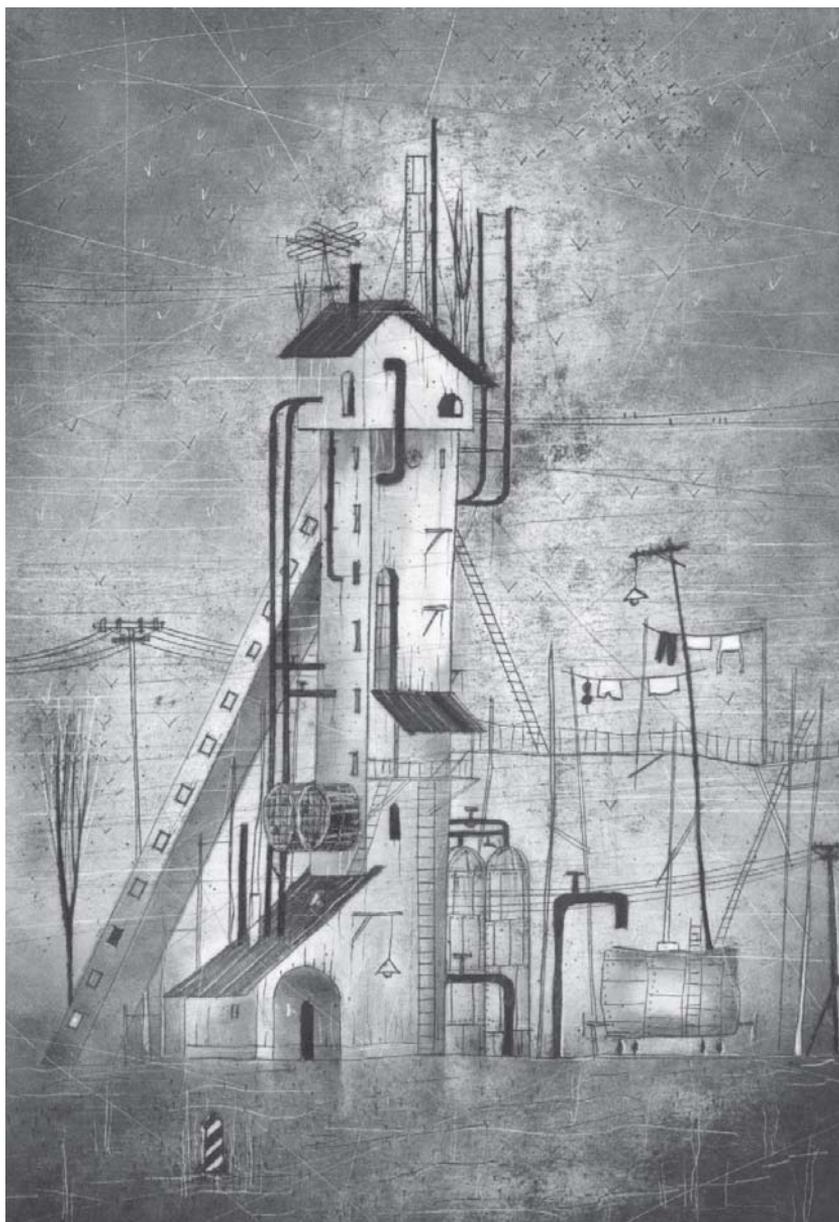
Вячеслав МАЗУРОВ

СТАНЦИИ
НАЗНАЧЕНИЯ

Были такие места, где мы бывали прежде.
Это печально.
Кругом места, где мы бываем нынче.
Это скучно.
Наверняка будут места, где мы побываем.
Это любопытно.
Есть даже, говорят, места, где все мы будем.
Это точно.
Но что сказать о местах, не имеющих к нам никакого отношения?
Досадно...

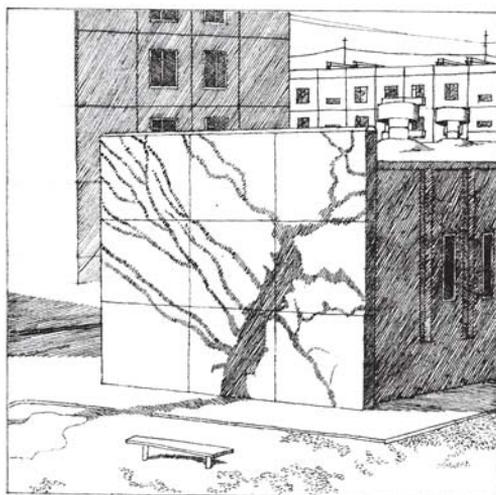
Андрей СТРЕЛКОВ МНЕ СНИЛСЯ ГОРОД

Жизнь человека между небом и землёй похожа на прыжок белого коня через расщелину, мгновение — и она пролетела.

Чжуан-цзы

Вчера я проснулся рано, ещё в темноте, в пустой тишине спящего дома, от сильного и неожиданного впечатления, посетившего меня во сне. Меланхолично тикал будильник, я лежал с открытыми глазами, прислушиваясь, как медленно расплывается и гаснет ощущение, пробудившее меня своей резкостью и последней невыносимой остротой. Пожалуй, это был страх смерти.

Мне снился город, один из тех странных городов без имени и положения на карте, с подвижным и непостижимо знакомым лицом. Город, куда попадаешь снова и снова, забредая на ночную сторону своей жизни. Я никогда не знал подлинных его размеров. Здесь были фрагменты моих городов и городов, где я не побываю никогда. Каждый раз в нём можно было встретить что-нибудь новое: уголок старинного парка, обведённый кованой решёткой, или печальную разрушенную церковь. Церквей в городе было много, но все в запустении, в нежном сумраке, исходившем из окон. Иногда город целиком поглащался каким-либо другим и казался вдруг Стамбулом или Петербургом. Я любил обходить кругом

Айя-Софию, удивляясь её невесомой мощи и непохожести на открыточный образ. Тут и там из-за угрюмых полотнищ доходных домов выглядели стройные минареты, убеждая поверить, но я уже узнавал свой город. Я видел пустынный полуподвальный кабачок, где часто проводил одинокие вечера; огромную светлую почему-то оранжерею, где работали улыбчивые прилежные девушки, что всегда говорили мне об отсутствии той, лица которой я не знаю. И снова уходил я в бесконечные улицы открывать забытое и узнавать невиданное никогда.

На этот раз в городе стояло удивительное время года. Неожиданно встретились и совпали друг с другом тёплая бесснежная зима, узнаваемая лишь по слепому небу; прохладное пасмурное лето; полная ужаса и бесшабашного тления весна; сжимающая сердце одинокой радостью осень.

Вдвоём с другом мы шагали по пустынной улице. В воздухе носились весенние запахи, на деревьях с коротким звуком откреплялись листья и ложились на ветер. На крыше дома гроыхала цепью большая, с телёнка, собака. В какой-то момент я оказался один. Друг остался позади, остановившись прикурить у незнакомого прохожего. Я стоял в молчании, уносимый равнодушным непостижимым временем. С болью расставания оглядывался я кругом. Мне не хотелось, чтобы это всё кончалось. Что? Лето? Зима? Весна? Осень? Само нелепое это смешение казалось насмешкой над временем, отрицанием его могущества. Но почему-то в этой насмешке была щемящая более чем краткость. Менее чем за миг исчезновение подумавшего о себе мига. Мой спутник, которого я поджидал на улице, был соучастником в этой краткости, товарищем в деле жизни и смерти. Мы были печально и светло связаны общим безостановочным исчезновением из жизни. Вскоре он догнал меня. Собрав в охапку лежавшие под ногами листья, я со смехом подбросил их вверх, и мы беззаботно шагнули под шелестящий дождь.

Я проснулся в то самое мгновение, когда падающие листья коснулись моих волос.

27.01.90

ЗАПИСКИ ПЕРСОНАЖА СНА О СВОЁМ СНОВИДЦЕ

Согласно теории реинкарнации, душа, иначе личностное духовное существо, или монада, принимает последовательно ряд воплощений в физическом плане для достижения некой цели. Полагать, как принято, что таковой является спасение из океана греха и страдания самого феномена воплощения, т.е. человека, неразумно. Ступень не является целью воздвигаемой лестницы. Ущербность воплощения души приводит к тому, что человек полагает её своей, а не наоборот. Невозможно отсюда, из физического плана, понять и высказать задачу души, принадлежащей к миру более высокой реальности. Единственное понятие, не уводящее нас в область спекуляций, — адекватность. Формула Гермеса Тримечиста: наверху то же, что внизу, — говорит именно о такой связи. Но эта формула описывает мир оконченный и разрешённый, где уже нет ничего: ни верха, ни низа. Возможно, так оно и есть, и становление мира есть лишь его игра, самопознание или сновидение. Но в таком случае я сам являюсь персонажем сна и вынужден находиться в нём до пробуждения мира (хотя бы это произошло во мне самом). Возможно, он проснётся в тот момент, когда становление его в его сне достигнет его вечного и неподвижного совершенства. Время кончится, и по пробуждению уже не будет о чём и кому говорить.

Выше, говоря о доме души, я употребил сравнительную степень, а не абсолютную. Что под этим нужно понимать? Во избежание в дальнейшем смысловой путаницы введём два написания слова душа: душа и Душа. Что касается первого, то именно здесь снится сон моей жизни. Второе же — сон того, кто есть сновидец всех снов. Отмечу здесь ещё два момента. Первое: везде, где употребляется оборот «я», «моё», мне хочется исходить из правильного соотношения души и человека и полагать, что это «я» выражает ту душу, чьим отблеском я являюсь; то существо, что непостижимым образом связано со мной как человеком. Любое мое слово, каким искажённым бы оно ни звучало, источником имеет только её.

Второе: везде далее становление мира я буду давать понятием «сновидение», хотя это не более чем метафора. Первоначально я употребил три предположительных слова: игра, самопознание и сновидение. Возможно, в дальнейшем этот перечень уточнится. Пока же «игра» даёт «ненастоящность» становления, самопознание есть его смысловой синоним, и сновидение — неподотчётность, непрямая связь между спящим и его сном, если угодно, элемент свободы. Всё это вместе и то, что проявится и будет говорено дальше, на этих страницах обозначается словом сновидение.

Говоря о воплощении души, обычно имеют в виду последовательный его характер, нечто вроде стадийаль-

ного кропотливого процесса огранки и шлифовки драгоценного камня. Но возможна другая, ясная и неожиданная трактовка. Одновременное обладание душой сразу несколькими воплощениями. Формальных запретов этому нет, ибо существо, целиком принадлежащее к духовному миру, «не претерпевает», т.е. способно отдавать, не убывая. Идея одновременного множественного воплощения была однажды словно показана мне, и на мгновение открылась картина нового и удивительного мира.

Воплощение души есть для неё закон, а не прихоть. Ей «надо» в нашем мире — её сне. А раз надо, то она желает действовать во всей полноте сил. Воплощение же ущемляет и обрезает её. Смена территорий, культур, натальных карт — все это движение души пусть не одновременно, а хотя бы суммированно обрести здесь свой полноценный облик. Насколько же возрастает её могущество в достижении цели, если она одновременно выражает различные стороны своей предбожественной сущности.

Оговоримся, что различие в традиционной и обсуждаемой трактовке упирается в вопрос времени и, возможно, что различие не более иллюзорно, чем само время.

Какие же основные «неразрешённости» необходимо преодолеть душе в своем воплощении? Душа пребывает в мире, не знающем дуальности — того, что сообщает движение и трагичность нашему миру. Добро и зло, свет и тьма, мужское и женское — всё это проявление универсального принципа для тварного мира. Источник непреодолимой двойственности, неизбывного тяготения и одиночества в подлунном мире. Согласно традиции, монада свободно выбирает полярность, здесь же, связав себя с двумя телами и создав одно из них мужчиной, а другое — женщиной, она создаёт возможность хоть какого-то подобия недуальной личности. Встретившись, два таких человека замкнут круг своего изначального единства. Не знаю, случалось ли подобное уже, но если да, то мне трудно представить эту степень ощущаемой гармонии в обладании одной душой. Ведь даже при самой нежной и глубокой любви мы ощущаем друг в друге своеобразное проявление иноприродной сути. Если угодно, любовь являет собой род перемирия двух сторон, тем не менее обречённых воевать. Или иначе, любовь есть умаление в женщине женского и в мужчине мужского. Непреоборимость пола в его самых тонких проявлениях обозначает ту дистанцию, которая разделяет нас всегда.

Второй по важности слой противоречий связан с невозможностью здесь универсального знания и делания. Опыт фигур масштаба Леонардо лишний раз

подтверждает это. И здесь связанная с несколькими телами душа способна не требовать от каждого из них универсальности.

Наверно, можно ещё рассмотреть преимущества одновременного воплощения, но о главном сказано.

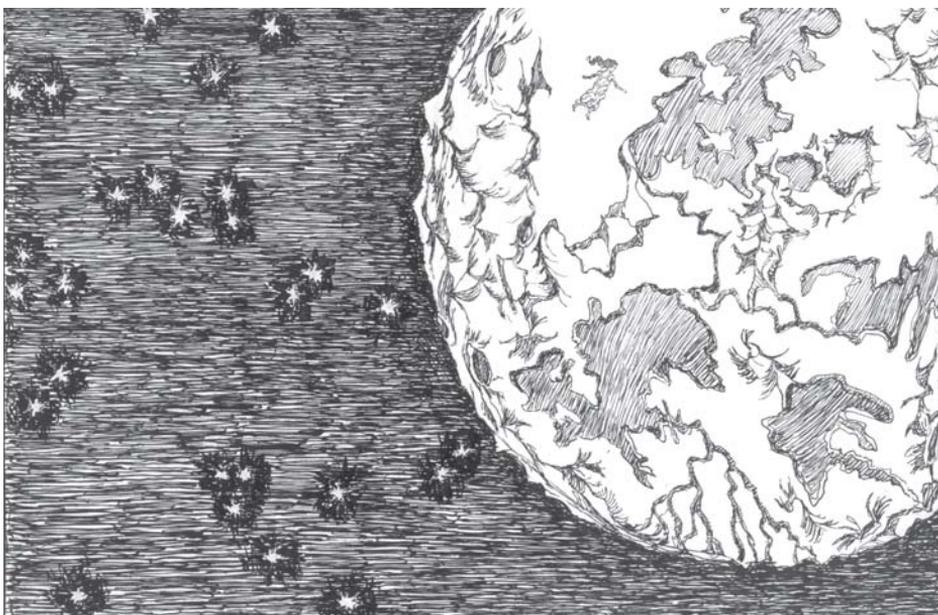
Неоднократно мне приходилось замечать, что ни одна мысль, ни одно знание не посещают преждевременно, будь то результат интеллектуального, эстетического и тем более мистического опыта. Как должен отреагировать услышавший то, что ему было сказано?

В самом общем плане здесь рисуются два пути. Первый основан на непосредственном восприятии информации. Иначе говоря, улавливать таинственные знаки и идти невидимыми дорогами. Чутко вести поиск своих мистических спутников. В плане содержательного разбора этот путь не даёт ничего нового по отношению к уже сказанному. Замечу лишь, что отчасти он реализуется неизбежно, но это та дорога, идя по которой и не изменяя чутко улавливаемой цели, переживаешь такие её трансформы, какие невозможно было представить заранее, то есть это путь не только достижения цели, но и научения ей, прояснения способности понимать и видеть. И в этом своём качестве он сливается с тем, что я хотел бы выделить в качестве второго пути.

Второй путь предполагает, что всё уже под рукой и нужно лишь оглянуться по сторонам и увидеть... Неуловимым и целостным ощущением существования Души навеян этот опыт. Когда нет нужды барахтаться в её сновидениях, когда понимаешь, что мы уже обладаемы Душой. На высшей ступени мистического восхождения святые и подвижники выходят из затвора и

принимают участие в делах мира. Предшествующему уровню соответствует исповедование социального нигилизма и концентрации всего внимания на постижении собственного пути. Это и закономерно и необходимо. К пониманию, к прорыву к Душе человек приходит только один. Что происходит с ним после этого — неизвестно. Так, у Плотина есть глубокое и неясное место о философской смерти. Когда высшее постижение формально развязывает душу и воплощение — ещё при его жизни. Происходит как бы отчуждение от воплощения, и что с ним происходит после этого, уже не важно... В голове не укладывается этот образ выпущенного на свободу тела (человек есть именно тело, с душой он лишь как-то связан). Странная вещь должна постигнуть узнавшего Душу. Это узнавание равносильно убийству Души, ибо преодолевает её как сон. Для того, кто разбужен, сон уже иллюзия (как и наоборот), не то для спящего. У него нет души, но только ею водим человек. Он приобщился к Душе, но её тело — весь мир. Здесь необходимо происходит отчуждение от своего тела. Оно существует, но не более, чем камни или травы. И раз существует, то водимо душой, но в каком отношении с этой душой находится тот, кто понял Душу? Пожалуй, происходит расщепление и затем некий сброс: Душа владеет во всей полноте всем, душа оставляет себе своё. Как будто ничего не произошло и мы вернулись туда, откуда начинали. Но нет, человек испытывает некое преображение. Узнавший и забывший Душу становится гармоническим звуком в мелодии, увлекаемой из мира. Теперь он является бессознательно верным отблеском Души, трансцендентно отображающим в своём частном существовании вращение космического колеса.

рисунки автора

Михаил ПОГАРСКИЙ

ИНТЕРВЬЮ С ЯНВАРЁМ

Январь уже был, а вернее, казался старым. Дело не в возрасте. Просто слишком рано познал величие. Был вознесён. И... удалился. Нет, он не отстреливал журналы из ружья, подобно Сэлинджеру, просто никто, или почти никто, не знал, где находится его логово...

Я застал у своей двери хрупкую девочку. Золотые волосы до плеч. И глаза как осеннее небо.

— Понимаете, разговор с ним — это... это для меня Больше, чем интервью. Ну поймите же... Это как прикоснуться к чему-то. Ну если бы был жив Фауст или Урбино Ваноски, неужели же?

Я говорю слишком путанно. Но я уверена, Вы должны знать. Потому что, в то, ну якобы из архивов, я не верю. Это мистификация. Это уже потом. После его исчезновения. Ну Вы можете передать ему хотя бы вот это письмо. Я оставлю, а Вы уж... Ну пожалуйста.

И я не сумел отказать.

Встреча, видимо, состоялась. По крайней мере, сохранилась магнитофонная лента.

Сначала шло обычное потрескивание, шорох, зрительное знакомство, и только потом речь:

— Я согласился не из-за слов. Слова можно понять. И даже полюбить. И даже влюбиться в написавшего их. Это известно со времён Сирано де Бержерака. Дело не в этом... Этот рисунок золотой ласточки в конце письма... Почему-то мне представилась пелена дождя, ночь. И Ваши золотистые волосы в свете неоновых ламп...

Но впрочем, Вы здесь, и я, как ни странно, рад. Хотя Вам ведь нужен не столько я, сколько мои слова. К сожалению, всем нужны только мои слова. Ну что же, наверное, это всё, что от меня осталось. Можете спрашивать. Я постараюсь не разочаровать...

— Ваш уход...

— Возвращение. Я когда-то. Очень давно был молод. Возможно, даже моложе Вас. И именно тогда я ушёл. Я ушёл из жизни, превратившись в поэта. Мой день становился строкой. Моя любовь трансформировалась в поэму. Дождь проливался метафорой. Облака. Небо. Бог. Полёт. Пыль на дороге. Блюз в подземных переходах. Кутежи в ресторанах. Драки на вечерних перекрёстках. Гвалт пивных. Грозди сирени в предрасветной росе. Всё наливалось предстоящим текстом. Мир превращался в поставщика тем и сюжетов. Мне нравилось изгибать его и подправлять... Я сравнился с Творцом. Мои герои врываются в жизнь. А я становился продолжением своих же предложений. Я слышком далеко ушёл за пределы дозволенного.

Тонкая грань между листом с иероглифами и иероглифами телодвижений стёрлась... И тогда я вернулся. Я вернулся в своё незамысловатое детство. Туда, где игра остаётся игрой. Где солнце всего лишь большой фонарик, а звёзды маленькие искры. Где мир заканчивается небом, а жизнь пока ещё бесконечна.

Мне удалась своего рода реинкарнация при жизни. Я умудрился стать тем, кем захотел, не заботясь о предназначении.

— Но неужели Вы с тех пор...

— Да нет, конечно же, я иногда пишу. Но это уже *игра* в поэта. Как и сейчас, мне захотелось *поиграть* в маститого пророка. Не обижайтесь, но почти во всём, что я Вам сейчас скажу, нет абсолютно никакого смысла и тем более правды. Это лишь то, как бы я хотел, чтоб это было.

Щелчок остановки. Здесь он попросил меня приготовить кофе и отправил на кухню. И видимо, пока я была там, нашептал вот эти самые строки. Выбывающиеся, непонятные, перечёркивающие все остальные слова, но звучащие в унисон с позвякиванием чайной ложечки о фарфоровую чашку:

*Золотая ласточка залетела в дом.
Я бы проглотил её, если б был котом.
Золотая ласточка — волосы до плеч.
Как же от кота во мне мне тебя сберечь?*

— Шаровая молния — это клубок нераспустившихся сверканий... Вот так же и стихи. Можно создать тысячу бликов и гроз, но лишь в одном одиноком Слове сокрыт универсум. Туда можно прийти по-разному.

Говорят, что если обычная молния каким-то чудом удержится в капле дождя, то она сможет продолжить своё путешествие светящимся шаром, обладающим тайной трёх стихий: воздуха, воды и огня.

— А Вам удалось удержаться в капле?

— В том-то и дело, что *МНЕ*... Если бы я смог тогда перестать быть продолжением строки... Обычной строки ещё куда ни шло, но строки, ставшей шаровой молнией... Столкновение с ней почти всегда чревато смертью и никогда любовью...

— Продолжение строки это метафора, или...

— Или... Видите ли, подобно тому, как материальное пространство состоит из квантов, кварков, мезонов, клеток, вирусов, бактерий, звёзд и людей, то есть неких физических объектов, поддающихся описанию, наблюдению и вмешательству в их существование, точно так же и пространство языка обладает не менее сложной структурой, проникнуть в которую можно при помощи мистического опыта и специально подготовленного сознания. Это пространство населено существами, обладающими рефлексией и волей. Проникшие в него называют этот языковой или языческий мир *МАНОЙЯ*. Не в языке, а именно в манойе живут квазикванты словесности, языковые духи, афиоли, илы, дехи, слова-призраки, а также Стро и Саверичеф.

— Простите, но...

— Для Вас это всего лишь ничего не значащие слова, я понимаю... описать манойю достаточно нелегко, впрочем... раз уж вы здесь, то попробуем: в центре манойи находится *АСТЕРИКС*, сюда по его лучевым линиям стекаются все возможные и невозможные слова, сочетания и вычитания, здесь возникают новые смыслы и строки, здесь же хранится неприкосновенный запас неизрасходованных звуков — тайный фонд развития языка; мир манойи бесконечномерный, и путешествовать по его направлениям можно лишь через астерикс, хотя, возможно, высшие языковые духи умеют перемещаться как-то иначе. Лучи, ведущие к центру, далеко не прямые; на них расположены *БИЁ* и *СНИ*. Биё это — точки бифуркации слов. Слабые слова часто рассыпаются, попадая в биё, трансформируются в языковые огрызки и иногда даже умирают. Сильные слова, наоборот, набирают дополнительную силу и полноводность. Сни — это точки поворота или запрета. Далеко не каждый обитатель манойи способен проходить сквозь эти точки.

Манойя населена множеством живых существ: во-первых, это *АФИОЛИ*, они обладают признаками слова и живой клетки. Афиоли самозарождаются в мозгу поэтов и писателей. Они могут путешествовать по различным сознаниям, вызывать поэтическое расстройство мозга и иногда доводить до полной эйфории. Афиоли передаются половым путём при

настоящей любви. Иногда (правда, это случается очень редко) афиоли транспортируются посредством взгляда. Афиоли не имеют названий и не состоят из звуков, это скорее дыхание слов, их потаённая музыка, не слышимый обычному уху голос.

Далее ДЕХИ. Это — языковые вампиры, сосущие из слов световые и музыкальные соки. Дехи, как правило, превращают словосочетания в штампы, навешивают на слова ярлыки, убивают внутреннее достоинство слова. Дехи обожают буквы «а», «п», «н», «с», «т», «о» и приставку «архи», а вот буквы «ю» и «щ» они терпеть не могут. Поэтому самое эффективное средство против дехов — использование суффикса «ющ». Потом ИЛЫ. Илы — это тёмные силы словесности. Работа илов направлена на убиение языковых излишеств, упрощение грамматики, стирание фонетических тонкостей, убийство букв и буквообразований.

Теперь САВЕРИЧЕФ. Совершенно замечательное существо — добрый дух гласной буквы. Саверичеф способен менять звуковую окраску букв, и под его дыханием природная красная окраска буквы «а», например, может доходить до нежно-фиолетовой, а изначально зелёное «о» способно стать ярко-розовым. Помимо цвета, Саверичеф влияет и на аромат гласных букв, и на их шершавость, и на теплоту, и даже на полётность. Антипод и в то же время большой друг Саверичефа, это — СТРО. Тихий дух согласия, Стро отвечает за слияние казалось бы нестыкуемых звуков; благодаря Стро, Русский язык, например, обладает множеством слов с четырёхмерным согласием "встр", а также словами, имеющими 6 и даже 9 согласных подряд. Кроме того, манойю населяют СЛОВА-ПРИЗРАКИ. Эти слова не поддаются написанию, они мелькают в грёзах поэтов, но не оставляют материально-знакового осадка на страницах.

— А Вы?

— Я всего лишь временный гость манойи. Человек-строка, состоящий наполовину из афиолей, наполовину из белка.

— А можно ли через манойю влиять на реальность?

— Безусловно. Проникнув в манойю, я в состоянии пошлать даже с историей. Можно, например, взять и добавить во все издания какого-нибудь писателя, при условии, что он не защищён пра-синтаксисом, какую угодно строку.

— Что значит...

— Пра-синтаксис? Это некое промежуточное очень сильное поле, осуществляющее защиту реальности.

И тут... Тут я уже точно никуда не выходила. Но на плёнке возник не слышимый мне в тот момент шёпот:

Пёрышки блестящие. Золотая бязь.
Ты моя последняя с этим миром связь.

Лёгкий шорох, или я бы даже сказал «свечение звука», а потом продолжение этого странного разговора.

— Наверное, и таинственные огненные слова, начертанные на стене во время Валтасарова пиришества, были посланы в мир через пространство Манойи?

— Мне это неизвестно. Но вполне возможно, что это была работа обычного алхимика или иллюзиониста. Влияние Манойи большей частью направлено на словотворчество внутри языка... а вот при толковании этой фразы пророк Даниил явно или неявно уносился в просторы манойи. Хотя... Хотя, кто знает... Дело в том, что, на мой взгляд, «мене, текел, упарсин» — не совсем точно переведено Даниилом.

— Простите, но я уже, к стыду моему, не помню, что это значит.

— Стыда тут никакого нет. На кой ляд загружать свою голову грудой бесполезных знаний. А что касается значения... Даниил предложил вот такой перевод: **мене** — исчислил Бог царство твоё и положил конец ему; **текел** — ты взвешен на весах и найден очень лёгким; **перес** — разделено царство твоё и дано Мидянам и Персам. Мои же путешествия по линиям Манойи привели меня к совершенно противоположному выводу: **мене** — мир и ветер гуляют в душе твоей; **текел** — ты невесом и праздничен, как стих; **упарсин** — избеги серой печали и будьешь навеки счастлив.

Вполне возможно, что Даниилу был открыт истинный смысл огненной фразы, но он намеренно искажил её перевод, дабы погубить Валтасара. Но если бы Валтасар сохранил безмятежность и веселие в сердце своём, несмотря ни на какие пророчества, если бы он спокойно допивал кубок с вином своей жизни, то прожил бы в покое и счастья ещё долгие годы.

Потом снова последовало какое-то искристое сверкание чуть слышных звуков и зашелестел его потусторонний шёпот:

А впрочем, всё здесь чепуха.

Прислушай и сотри.

Важна лишь музыка стиха.

Её храни внутри.

— Значит, слова всё-таки обладают той огромной силой, способной влиять на судьбы людей и мира?

— Слова? Ну, в каком-то смысле. Хотя, конечно, гораздо важнее интонация. Интонация, как ни странно, это не только звуковое наполнение. Это как бы внутренний стержень, некая энергетика текста. И даже при чтении про себя вы задаёте тексту свою внутреннюю интонацию, и именно интонация прочтений накладывает отпечаток на всю вашу жизнь. Валтасара погубила огненная интонация слов, а не их псевдоперевод.

— А кто отвечает за интонацию в пространстве Манойи?

— Интонация — это совокупность влияний всех обитателей Манойи. И в этом-то и сокрыта её великая сила.

— И всё-таки возможно ли буквальное перенесение из нашего мира в мир Манойи? Ну, например, мог ли Борхес, не прибегая к помощи чучельников, сам по себе превратиться в книгу?

— Борхес пошёл на определённый бунт против законов манойи, он возжелал, чтобы ошмётки его плоти превратились в ненаписанные тексты, что совершенно противоестественно.

— Но ведь существование книг тоже не очень естественная вещь.

— С точки зрения биосуществования — да, а с точки зрения языковой жизни — вполне естественная.

— Но Вы...

— Я совершенно иное дело. Не плоть моя распалась на слова и точки, но, наоборот, слова и точки вошли в плоть мою фотонами Манойи. Борхес хотел, чтобы книга впустила его в себя, а я, напротив, впустил стихи и тексты под свою оболочку.

— А если, простите конечно, если в Вас выстрелить из ружья или ударить ножом, то...

— Скорее всего во мне появятся новые страницы, заполненные начальными строками смерти. Возможно, они будут последними.

— А вот. Ребёнок, Вы...

— Не знаю. Скорее всего, зачатие не состоится. Тут необходима совершенно фантастическая Вера. Вот Вы смогли бы понести, читая книгу и влюбившись в персонажа? Такое непорочное зачатие в истории неоднократно имело место, но врачи, как правило, младенца убивали. Они сообщали матери, что её беременность ложная, ибо их УЗИ не могли, разумеется, почувствовать невидимые строки, сплетённые в клубок зародыша.

А женщины, затежавшие от Слова, не выносили некоторых слов. И нежные орфические соки стекали в землю вместе с материнской кровью.

— Но Вы же не совсем ведь персонаж.

— Не совсем. Но механизмы соития у меня примерно такие же.

— А Вы... Видите ли... Я... Мне кажется, что я... Что я люблю Вас. И мне... Мне очень бы хотелось.

— Дело в том, что мне тоже почему-то кажется, что я люблю Вас, иначе я бы с Вами и не встречался, но именно поэтому мне бы не хотелось. Это сложно объяснить. Но, поверьте мне, это опасно, это очень опасно для жизни. Вы потеряете покой. Ваша жизнь превратится в неугасающий ветер. Вы оторвётесь от земли, но вряд ли обретёте небо... А наш ребёнок непременно станет изгоем. Ибо в нём будет таиться вековая поэтическая странность, которую люди не очень-то жалуют. Как же могу я ввергнуть Вас в этот хаос орфического безумия, если Вы глубоко небезразличны мне. Простите, что не употребляю того слова, что уже однажды сорвалось с моего языка, ибо оно обладает способностью приковывать, а вот этого мне тоже бы не хотелось.

— Но... но если Вы уже приковали меня, не будет ли большей жестокостью. То... то, что Вы откажете мне.

— Возможно. В конце концов... Ну хорошо. Хотя сейчас Вы под властью момента. Впрочем, точно так же, как и я. Ну что ж, видно всё к этому так или иначе шло. Снимите свои одежды и выключите этого механического свидетеля.

Я сбросила все эти юбки и блузки, так давившие меня своим грузом. И через мгновение моё тело как бы наполнилось неведомым и невыразимо прекрасным звуком. Казалось, я утратила вес и чувство времени. По всей видимости, Январь читал какие-то неслышимые стихи, но я не ощущала его голоса, и только нежная ласка необузданного хаоса первородных слов проникала в мою кровь и плоть, заполняя меня пронзительным трепетом. Я ещё ничего не понимала, но уже испытывала какое-то космическое блаженство. Где-то во мне распускалось миллионами лучей звёздное небо. Я зашла в каком-то бесконечно оргазме, истекая искрящимся млечным путём, где каждая звездинка звучала странным реликтовым звуком... Потом я вдруг почувствовала, не услышала, а именно почувствовала, как меня пронзают тихие и очень лёгкие строки:

***Я проникаю в твоё сердце,
Как родниковая строка...
Ты чувствуешь,
Как бьётся тельце
Новорождённого стиха.***

***Прими его к себе во чрево.
Возьми его к себе под грудь.
Туда, где от рассудка слева,
Стучится сердце как-нибудь.***

Они тут же запомнились и остались со мной навеки, хотя потом я всегда сомневалась, а те ли это строки? Ведь тогда, тогда они обладали той неземной интонацией... каждое слово дрожало в тысячах невыразимых оттенков и светилось серебристым звёздным светом. Тогда я чувствовала, как они проникают в моё сердце и омывают его своим родниковым дыханием, я чувствовала это нежное подрагивание крохотного орфического тельца и принимала его каждой клеточкой опьянённого тела. И сердце, наверное, действительно билось в странном поэтическом вихре, то взлетая в густо-фиолетовую высь, то опускаясь на дно солнечного колодца. Я теряла последние остатки рассудка и унеслась в серебристую вечность. И здесь уже наступает предел слов. Если до этого я хоть как-то справлялась с описанием своих ощущений, то далее... далее, ну это всё равно, что описывать смерть, тому, кто в ней ещё ни разу не был...

Потом, когда я окончательно очнулась, Января уже не было. На улице кружились хлопья тополиного пуха. Я лежала в белой больничной палате. И где-то во мне стучало крохотное полугодовалое сердечко.

январь — июнь 1996 г.

Леонид ТИШКОВ

ЖИВУЩИЕ В ХОБОТАХ

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

Слон

Аркадий

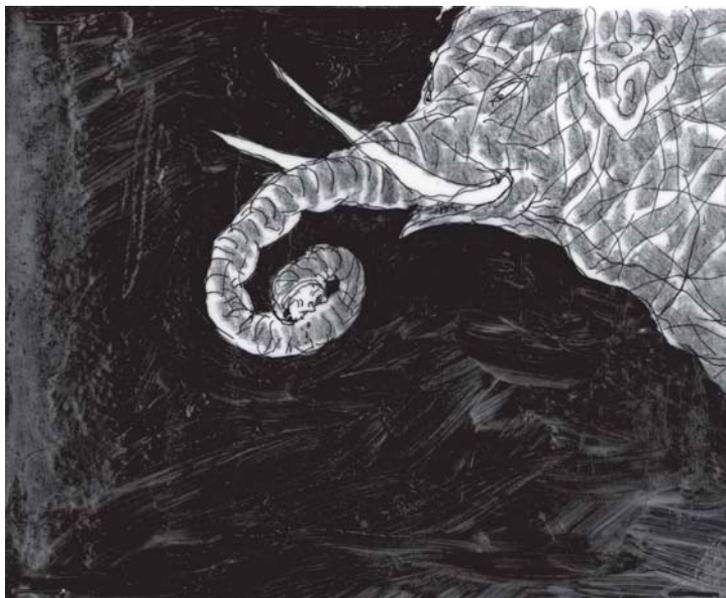
Никодим

Красная Шапочка

Слуги Слона, после Санитары

Мутанты

рисунки автора

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Плоская сцена погружена во мрак. Удивительная музыка с корейскими мотивами слышится изнутри черного мрака. Прекрасное нежное пение певца пекинской оперы разливается всюду и услаждает наш слух. Светает, и сквозь туман проступают очертания двух конусообразных муравейников с человеческими головами наверху.

Музыка становится тише, к ней подмешиваются русские народные мотивы: где-то там, на том берегу Хуан Хэ, далеко-далеко поют женщины пронзительную песню о соколике, который покинул свое гнездо и улетел в Китай, где посадили его в темницу, заточили его, соколика, в бамбуковый дом, а здесь ждет его старенькая мама и молодая сестра. Но песня звучит так издали, что слов этих не разобрать, и только жалостная мелодия доносится до сидящих в муравейниках. Но вот туман рассеивается, и головы людей, сидящих в муравейниках, оживают.

1 СИДЯЩИЙ В МУРАВЕЙНИКЕ: Вот б.., как же они кусаются, сволочи, ох, как надоело сидеть в этой куче говна и ждать, ждать, ждать!

2 СИДЯЩИЙ В МУРАВЕЙНИКЕ: А чего ждать, сиди себе да почесывайся. И не делай резких движений, не беспокой насекомых — они и кусать не будут.

1 СВМ: Нет, нет, нет,— я ненавижу эту кучу говна, в которой сижу уже сорок лет, я ненавижу этих б...ских муравьев, которые кусают мои ноги и хранят свои яйца в моей заднице.

2 СВМ: Ну почему ты не хочешь понять насекомых — им так удобнее, и потом температура внутри прямой кишки человека соответствует нормам среды, благоприятной для развития потомства. Ты же живешь у них дома и должен уважать хозяев. Мне лично нравятся муравьи, они очень добрые и веселые ребята, а ты зануда и неблагодарная тварь — только и ждешь своего слона.

1 СВМ: Уже сорок лет я жду своего слона, я вглядываюсь в очертанья гор и силую различить на склонах их крутые спины. Иные дни, когда туман восходит из долин и облака ложатся на вершины, мне кажется, что из-за перевала идут слоны, туманно-серые огромные слоны, как облака, тяжёлыми ступая сапогами. Качаются их хоботы, болтаются их уши, роса блестит на шкуре, черной от воды и влаги, идут они бесшумно, аккуратно, не раздавив цветка, не поломав тростинки, — их ноги нежные, как бархат, а тело лёгкое, как дым.

2 СВМ: Ты что городишь, Никодим? Когда они придут — да никогда! Здесь на горах не водятся слоны, здесь даже зайцев десять лет как отстреляли! Давно-давно, возможно, в казозе здесь жили волосатые слоны, мормоны или мамунты, так вымерли они, и даже кости их истлели. Забудь о них и никого не жди.

1 СВМ: Заткнись, не смей мне говорить всю эту чушь. Я ждал и буду ждать, мне надоело муравьев кормить своим дерьмом и муравьиными подносками кормиться.

Всё чешется, а этот запах. Постоянный запах их мочи. И полное отсутствие каких-то перспектив: сидишь, как валенок, в навозной куче.

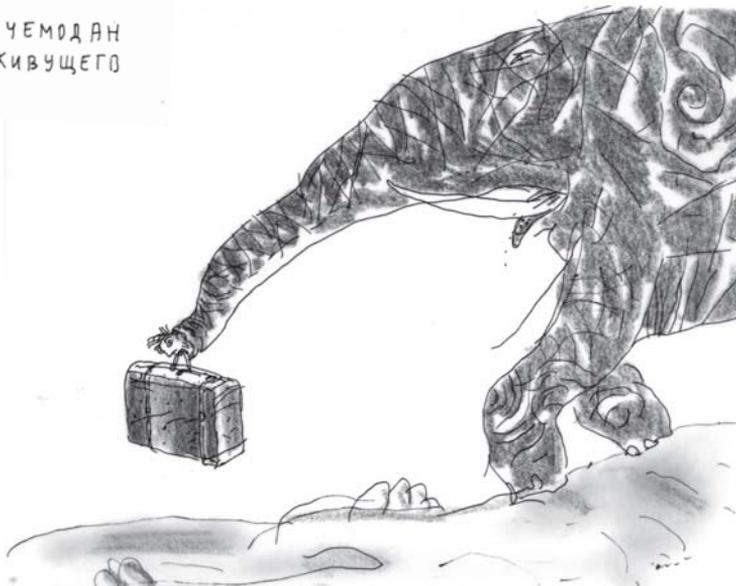
2 СВМ: Но почему — муравьиная кислота очень полезная и вкусная штука, помнишь, когда мы были маленькими, мы клали палочки на муравейник, а после их лизали, было очень вкусно...

1 СВМ: Тихо! Мне показалось — где-то там на горизонте какое-то движение, как будто мышь по ниточке бежит. Смотри, Аркадий, кто это там, — в моих глазах туман, я не различаю очертания предметов.

2 СВМ: Похоже, слон, но этого не может быть, здесь у нас никогда не бывает чудес.

1 СВМ: Слон, это слон, я дождался слона, и вот он приближается сюда! Скорей сюда, мы здесь, сидим в муравейниках. Он

ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ ЧЕМОДАН
НО В НЕМ ВЕЩИ ЖИВУЩЕГО
В ХОБОТЕ

не пройдёт мимо, он подойдёт и заберёт нас отсюда и унесёт в прекрасную страну слонов, где солнце и покой, бананы, персики и море, всюду море, и лёгкий бриз слегка растреплет волосы и увлажнит лицо.

2 СВМ: Действительно, как ни парадоксально, но это слон и он идёт сюда.

1 СВМ: Но он один, а нас ведь двое. И хобот у слона всего один — на одного рассчитан человека. Он должен выбрать одного — и это буду я — я так мечтал о хоботе все эти годы, пока сидел здесь в муравьиной куче.

2 СВМ: Конечно, Никодим, ты заслужил слона сорокалетним ожиданием, и вот он подойдёт и заберёт тебя с собой. Эй, слон, иди сюда, ты нашел, кого искал, — вот он сидит в муравейнике!

КАРТИНА ВТОРАЯ

На сцене появляется Слон, это огромное серое существо с хоботом и ушами, действительно из бархата, с прозрачно-матовым туловищем-брюхом. Ноги его фиксированы на платформах с колесами и позволяют легко перемещать Слона по сцене. Катят его двое слуг Слона, одетые в тёмно-серые одежды, в масках с хоботками; они, доставив его до Сидящих В Муравейниках, остаются на сцене в качестве музыкантов. Слон располагается между Никодимом и Аркадием, как буриданов осёл между стогами сена, а музыканты подходят к синтезаторам из Качканара и начинают наигрывать тему Слона.

НИКОДИМ:

О, Слон, сероголовый господин Вселенной, огромноухий слушатель космических глубин, жемчужных бивней обладатель и хобота огромного носитель. Я ждал тебя — и ты пришёл: возьми меня с собой и унеси далёко!

АРКАДИЙ: Смотри — он открывает око!

К Слону подходит один из его слуг, открывает ему один глаз, поворачивает голову то к одному СВМ, то к другому. Затаив дыхание, Аркадий и Никодим следят за его движениями.

НИКОДИМ: Тише, тише, он думает, он... выбирает, кто достоин хобота.

АРКАДИЙ: Конечно, ты. Я что, мне здесь неплохо, я привык и подружился с муравьями, они приносят гусениц на завтрак, немного, правда, но мне хватает. Потом мне нравится окрестный вид, пейзажик этот скромный, и место здесь почти всегда сухое, а дождь когда — так до отвала пей. Люблю я свой родимый уголок и ни на что не променяю муравейник, где я родился, вырос и живу!

Слон медленно поворачивает голову в сторону Аркадия и кивает ему головой.

АРКАДИЙ: Меня? За что? Я не достоин.

НИКОДИМ: Всё пропало — напрасны годы ожидания, не быть мне в хоботе (плачет).

Иди к нему, Аркадий, ты избранник и должен слушаться отца, я буду ждать другого.

АРКАДИЙ: Ну что же, раз надо — так надо, эй, как тебя зовут: Джумбо, Джумбо или Бабар — я готов.

Слон разворачивается задом к Аркадию и поднимает хвост, намекая ему на то, что он должен залезать в хобот через задний проход.

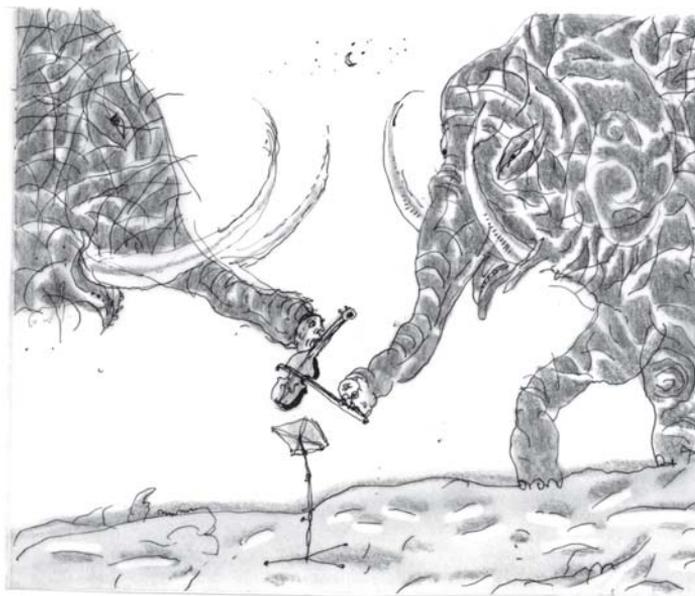
АРКАДИЙ: Джумбо, давай свой хобот, повернись ко мне лицом! Не думаешь ли ты, что должен я проникнуть в хобот... изнутри?

НИКОДИМ: Да, конечно, это так, когда я зимними долгими вечерами ждал Слона и как всегда просматривал подборку книг о жизни в хоботах, я встретил у Плутарха подробный текст о том, как надо правильно переместиться в хобот.

АРКАДИЙ: Ну ни хера себе, так это надо делать через жопу?

Слон утвердительно кивает головой и ещё выше поднимает хвост.

НИКОДИМ: Послушайся отца — и в путь, — тебя благословляю...

ИГРА НА СКРИПКЕ ЖИВУЩИХ
В ХОБОТЕ ДОСТАВЛЯЕТ
УДОВОЛЬСТВИЕ ИХ СЛОНАМ

Аркадий встаёт вместе с муравейником и пытается залезть в Слона, его голова скрывается внутри его тела, но он никак не может проникнуть дальше, хотя энергично пытается это сделать. Слон начинает издавать утробные звуки, переходящие в стоны. После некоторого времени Аркадий вытаскивает голову из отверстия с криками ужаса.

АРКАДИЙ: Я не могу, — там нет дороги, какое-то препятствие. О! Так это не то отверстие, — ты что: «послушайся отца», — он не отец — он мать! Так это же не Слон, а самая настоящая Слониха.

НИКОДИМ: Не каждый путь есть истинный. Давай ещё попробуй, Аркадий.

Аркадий предпринимает новую попытку проникнуть в Слона, но уже в другое отверстие. Ему это удаётся, и скоро его ноги скрываются в анусе Слона, а муравейник остаётся пустым стоять на земле. Тем временем сквозь тучи проглядывает солнце и его лучи освещают Слона с противоположной стороны, его живот становится полупрозрачным с двигающимся внутри Аркадием.

НИКОДИМ: Ну как там, Аркадий? Темно или прохладно?

АРКАДИЙ: Брум-дум-мум-рум. Навря...насра...ага...

НИКОДИМ: Двигай руками и ногами, как будто по воде плывёшь. И рот напрасно не разевай, пока по толстому кишечнику ползёшь.

АРКАДИЙ: Как много здесь говна, я никогда так много не видел, хотя прожил не мало лет и повидал изрядно...

НИКОДИМ: Счастливый Аркадий — он скоро будет в хоботе, а я останусь здесь навеки.

АРКАДИЙ: Проход сужается, извилистее путь, боюсь — застряну тут и сдохну...

НИКОДИМ: Ещё немного, там тонкая кишка и дуоденум — особо сложная дорога, и береги глаза — вдруг брызнет желчь из пузыря, и всё тогда — пиши пропало, а что весь перемазался в дерьме, не велика беда — в желудке вымоешься и будешь

чистым, свежим, как младенец. Перед проходом в пищевод поёрзай по желудку — измажься слизью, и тогда проскочишь привратник как по маслу — и дальше, не останавливаясь, прямо в глотку, но там смотри, не наступи на корень языка, — стошнит Слона тобой, Аркадий, и не видать тебе ни хобота, ни счастья.

Аркадий совершает внутри Слона всевозможные замысловатые движения, как танцор балета в мешке. В музыке отчётливо появляется тема жизни в кишечнике.

Теперь СВМ стал на время Передвигающийся Внутри Кишечника (ПВК). Никодим переживает за Аркадия как тренер за своего воспитанника. Параллельно один из Слуг Слона разворачивает учебное пособие с изображением желудочно-кишечного тракта Слона и начинает с указкой комментировать продвижение ПВК, рассказывая об этом животном.

СЛУГА СЛОНА: Слон (Elephas) — единственный современный род хоботных (Proboscidea) млекопитающих с двумя видами: Elephas indicus и Elephas africanus.

Африканский слон гораздо крупнее азиатского и достигает до 5 метров высоты. Грудь узкая, лоб суженный кверху и скошен назад. Спина выпуклая. Кожа голубовато-аспидного цвета, в крупных складках. Уши большие, плоские. Бивни от 2 до 2,5 метров длины. Копыт на передних ногах 4, на задних 3. Водится в тропической Африке к югу от Сахары от озера Чад до озера Нгами. Они любят тепло и влагу, но и не боятся холода. Питаются исключительно растительной пищей. Желудок имеет простой, печень небольшая, слепая кишка чрезвычайно развита. Тонкий кишечник извилист и огромной длины. Семенники остаются в брюшной полости. Матка двурогая.

АРКАДИЙ: Моя нога за что-то зацепилась.

НИКОДИМ: Сильнее дёрни — наверное, в аппендикс провалилась.

АРКАДИЙ: Ну вот — протиснул голову в желудок — там просторно, прекрасный свод я вижу, и светло: какие-то огни мерцают там и тут — красиво.

ПОКА У НИХ НЕТ СВОИХ
СЛОНОВ ОНИ ДОЛЖНЫ
СИДЕТЬ В МУРАВЕЙНИКАХ

НИКОДИМ: Да это разные гнилушки светятся, не отвлекайся, вперёд и с песней.

АРКАДИЙ: Ой, ой, кто-то сзади, буравит мою задницу, пытается проникнуть в жопу.

НИКОДИМ: Я говорил: спеши, а ты — красиво... Там сзади — солитёр, вот хитрое создание — решил переменить хозяина, проникнуть в хобот так запросто, с тобою вместе — без тебя ему же в хоботе не жить, там климат не подходит червяку.

АРКАДИЙ: Червяк! Червяк! Скорей, скорей — в желудок. Ух, теперь я весь в желудке, прилягу здесь на кучке пережёванной травы, передохну. Эй, Никодим, меня ты слышишь, а здесь — опасности какие могут быть?

НИКОДИМ: Не спи, Аркадий, кислота кругом! Обмажься слизью, как я говорил, и в путь. Ищи отверстие привратника — оно как солнце черное на небосводе, у тебя над головой. Ну, правда, можешь слегка перекусить, найди какой-нибудь неперева-ренный банан для поддержания силы — заморись червячка.

АРКАДИЙ: Как здесь приятно, не хочется отсюда уходить. Так много разной пищи — выбирай любую, но больше растительного происхождения. Сюда бы телевизор... Ой, кислота подошвы жжёт — скорее в пищевод!

НИКОДИМ: Ты должен торопиться, чуть опоздал — тебя переварили — и в путь обратный, но в другой кондиции.

Тем временем голова Слона начинает дергаться, он разевает рот, с нижней губы потекли слюни, похоже, что Аркадий преодолел привратник. Слона, по-видимому, тошнит Аркадием. Последний, разумно пользуясь рвотными позывами, продвигается по пищеводу и попадает в глотку. Хобот Слона раздувается и увеличивается в размере — в него проникает Аркадий. Слуги Слона подходят к голове Слона, поддерживают хобот, засовывают внутрь свои руки, цепляются за голову Аркадия и тащат её наружу.

АРКАДИЙ: Уши, уши, осторожно, уши. Аааа! (его голова появляется из хобота.)

НИКОДИМ: Ну вот, родился новый ЖВХ!

АРКАДИЙ: Ага...

Слуги Слона разворачивают Слона и медленно увозят его за горизонт.

АРКАДИЙ (кричит): До свиданья, Никодим, когда увидимся?

НИКОДИМ (понуриив голову): Прощай, Аркадий... повезло сча-ст л и в ц у!

Теперь он в Хоботе Живущий Человек, а я опять Сидящий В Муравейнике. Как так могло случиться? — я ждал его — Слона, как чукча — восхода солнца после долгой зимней ночи, как невеста — прихода в спальню жениха и как жених — приданое невесты! Как голодающий шахтер в июле зарплату за апрель.

И он пришел, но выбрал не меня (плачет).

А, муравьи, попрыгались, подумали, что дождик начался, у, тво-ри мелкие, видали, Слон какой большой, как серая планета, — ушла, исчезла в космической дали, и неизвестно, когда опять вернётся. А я же буду ждать — такая вот судьба...

Окружающий мир погружается во тьму, в музыке появляются мотивы одиночества и печали. Вверху зажигаются звёзды, образуя созвездие Большой Слонихи. Наступила ночь.

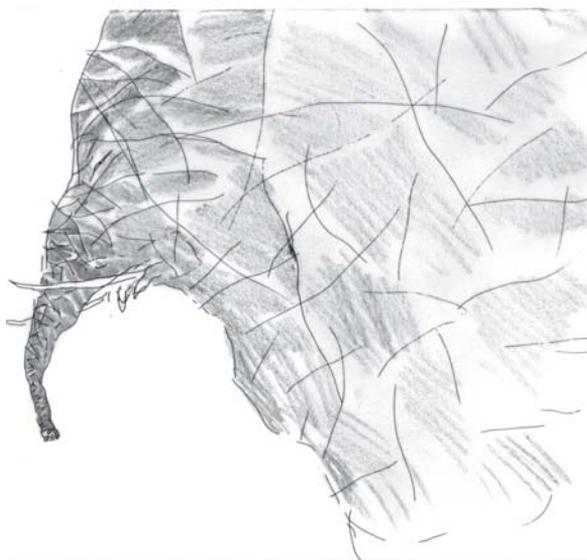
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Всё вокруг освещается ярким солнечным светом, звучит энергичная весёлая музыка. В центре стоит Слон с Живущим В Хоботе. Справа пальмовое дерево, внизу цветы и зелёные растения жарких стран. Поют райские птицы, где-то кричат обезьяны, журчит ручей, в небе висит разноцветная радуга, вдалеке живописные горы. В общем, рай земной — Африка, где всегда тепло и много фруктов.

ЖИВУЩИЙ В ХОБОТЕ (в высоко поднятом хоботе): Какое счастье — жить на свете, радоваться солнцу, дышать воздухом,

СЛОН ЖИВУЩЕГО В ХОБОТЕ
ВЫРАСТАЕТ ДО РАЗМЕРОВ
ВСЕЛЕННОЙ

любоваться природой. Двойное счастье — жить в хоботе, внутри по шею в нём, а голова наружу. Как в хоботе тепло, уютно, влажно.

Лежишь в нём голый, а не мёрзнешь, нигде не чешется, не сохнет — такая внутренняя нежность бывает только у слонов. (Хобот опускается.)

Эй, Слон, хоч цветы понюхать, вон те, голубенькие. Не слышит, уснул, наверное.

Ну, подожду, когда проснётся.

Слон просыпается, его Слуги подходят к нему, открывают глаза, поднимают хобот вверх, к фруктам на пальмовом дереве.

ЖВХ: Вот как славно, полакомимся фруктами, потом посмотрим на ручей, понюхаем цветы, позагораем. Всё по порядку.

Слон разворачивается в другую сторону, Слуги направляют хобот на небольшой столик, стоящий в отдалении. На нём лежит книга и стоит микроскоп.

ЖВХ: Что, уже перекусили, а — настало время почитать. Что это за книга (начинает читать): бесспорно, слоны — удивительные, умные и благородные животные. Но судьба их, кажется, предreshена. По-прежнему убивают слонов! Сейчас в Африке немало заповедников, национальных парков, ограничена, а местами и запрещена охота на слонов. Но есть там и браконьеры. Драгоценные бивни — по 100 фунтов стерлингов в среднем за пару продавали их прежде — стали прклятьем рода толстокожих. Часто, убив слона, берут только бивни, а мясо остаётся гиенам.

Что это за книга? Акимушкин. (ЖВХ продолжает чтение.) В умело организованном охотничьем хозяйстве с планомерным, без невосполнимых потерь для стада, отстрелом старых самцов доход от слона был бы немалый. Чистого мяса — около 2 тонн, слоновой кости — 30-50 килограммов, шкуры — 35 квадратных метров отличного материала для шлифовки ювелирных изделий и деталей точных механизмов. Стрелять слона нужно умело, метко, спокойно и с близкого расстояния. По существу, у него только два убойных места: между глазом и ухом (мозг) и чуть за лопаткой (сердце). Стрелять в иные места — что в кучу

песка: слон будет ранен, но успеет расправиться с охотником. Да, и это Акимушкин, когда-то в детстве мной любимый автор. Почитал — теперь посмотрю в микроскоп. (ЖВХ смотрит в микроскоп.) У-у, даже микробы — и те живут в хоботах!

Откуда-то справа доносится шум, кто-то идёт через кусты прямо к Слону.

ЖВХ: Кто-то идёт, не охотники? Эй, Слон, не схорониться ли в лесу?

Из-за пальмы появляется молодая женщина в красной вязаной шапочке и с судком в руке. Она испуганно вскрикивает, увидев Слона и ЖВХ.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА: Ой, ой, кто это?

ЖВХ: Не бойся, девушка, это добрая бабушка Слониха и я — Живущий В Хоботе. Мы здесь гуляем, читаем книги, смотрим в микроскоп. Хотите посмотреть в микроскоп?

КШ: Нет, спасибо, я иду к своей бабушке — несу ей покушать.

ЖВХ: Суп? Щи с мясом? Как давно я не ел горячих щей с мясом.

КШ: Правда, а почему — что вы кушаете?

ЖВХ: Мы больше фрукты, овощи, траву. У нас со Слоном вегетарианский стол. А как вас зовут?

КШ: Красная Шапочка.

ЖВХ: Живущий В Хоботе, очень приятно (пытается поцеловать КШ ручку).

КШ(покраснела): Ой, и мне приятно с вами познакомиться.

ЖВХ: А можно попробовать ваших щей?

КШ: Да, конечно, вот (открывает судок).

ЖВХ: Как же мне это сделать? У вас нет ложки? Вы не поможете мне? За Живущим В Хоботе надо ухаживать и пищей кормить Живущего В Хоботе.

Красная Шапочка достаёт ложку и начинает кормить ЖВХ с ложки. ЖВХ аккуратно кушает, аппетитно причмокивая.

ТОЛЬКО КОСТИ ЛЕЖАЩИЕ В ПУСТЫНЕ

ЖВХ: Какие вкусные щи, вы их сами приготовили? У вас явный талант готовить щи! А хлеба нет? Нет, — жалко. Слушайте, Красная Шапочка, вы мне очень понравились — у вас такая... красная шапочка. Сами вязали?

КШ: Бабушка вязала. Ой, надо идти — бабушка ждёт.

ЖВХ: Спасибо, Красная Шапочка, пойдёте обратно — заходите, погуляем. Я вас буду ждать.

КШ: Хорошо, до вечера (уходит).

ЖВХ: Какая прелестная девушка, а щи — просто чудо!

Всё это время Слуги Слона стояли рядом и направляли хобот в нужном направлении. После прощания с КШ они направили хобот к микроскопу и ЖВХ опять углубился в изучение микромира.

ЖВХ: Ну надо же — микробы, а тоже живут в хоботах! Как мудро устроена природа — гармония и красота!

Издали доносится шум птичьих крыльев — один из слуг, держа в руках длинную палку с птицей Туканом на конце, бежит туда-сюда, изображая полёт птиц.

ЖВХ: А, пришла пора развлечься! Заряжай! Нацеливай!

Слуга цепляет резинку на бивни Слона наподобие рогатки с кусочком кожи. Закладывают в него камень и вставляют в зубы ЖВХ. Оттягивают резинку, ЖВХ прицеливается — выстрел. Камень летит, но слабо и мимо.

ЖВХ: Вот, япономать, промазал! Каждый раз промахиваюсь, зараза. Но ладно, главное не цель, а процесс.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Прошло немного времени, Тукан улетел, ЖВХ остался. Наступила тишина, слышна тихая лирическая музыка. Издали доносится песенка Красной Шапочки — она идёт обратно.

ЖВХ: Красная Шапочка! Это она! Как я рад её снова увидеть!

Появляется Красная Шапочка, очень весёлая, с пустым судком и скрипичным футляром.

КШ: Привет, Живущий В Хоботе!

ЖВХ: Здравствуй, дорогая! Как бабушка — в порядке?

КШ: Всё нормально, лежит после инсульта, не встаёт, не говорит почти, лишь иногда одно лишь произносит: «Где волк, а где волк, а?» К чему бы это?

ЖВХ: Старушка спятила.

КШ: А тут что происходит — охотитесь на птиц?

ЖВХ: Да так — стреляю для порядка, гоняю туканов, туда-сюда шныряют каждый день. Уж больно надоели.

КШ: Не удалось попасть?

ЖВХ: Сегодня нет, а так... бывало. А что в суде?

КШ: Пустой (показывает).

ЖВХ: А это что там у тебя — неужто скрипка?

КШ: Да, скрипка, у бабушки взяла — ей теперь не нужно. Хотя играть я не умею — но вещь красивая.

ЖВХ: А я когда-то играл, ну достань и дай смычок мне в зубы, а сама руками скрипку и струны зажимай.

Красная Шапочка достаёт скрипку из футляра, сует смычок ЖВХ в зубы, и они начинают играть дуэтом. Сначала, конечно, какафония — потом музыка, что-то романтическое, любовное: болеро Равеля (?). Вдруг смычок выпадает из зубов ЖВХ, и он утыкается хоботом прямо в грудь и шею КШ.

КШ: Вот это хобот, такой большой (щупает хобот).

ЖВХ: Да, хоботок что надо (прислоняется щекой к плечу КШ и целует её в щёку).

Какая ты нежная, как персик (целует в шею).

КШ: Живущий в хоботе, ты нехороший (как бы отталкивает хобот, но разрешает целовать себя).

Живущий В Хоботе страстно целует Красную Шапочку в губы, она отвечает ему, откидывается на кочку, наполовину скрываясь за кустом. ЖВХ склоняется над ней, целуя её в разные части тела. Наконец залезает Красной Шапочке под платье... всю эту сцену скромно сопровождает музыка, заглушающая звуки страсти. Слуги Слона помогают ЖВХ, приподнимая Слона сзади.

ЖВХ: (отрываясь от КШ): О, Шапочка, я люблю тебя, приходи ко мне.

КШ: (постепенно приходя в себя): О... куда?

ЖВХ: Иди ко мне в хобот... жить! Я хочу тебя! Иди ко мне!

КШ: Каким образом! Как я попаду к тебе (садится).

ЖВХ: Да так же, тем же путём, что я попал: через задний ход, изнутри.

КШ: А нельзя снаружи — и обратно?

ЖВХ: Нет, это невозможно, головной конец уж больно узок, плечи не пройдут. Ты что — меня не любишь?

КШ: Но почему, люблю, но... через зад... Я не полезу. Я не хочу.

ЖВХ: Как, ты не хочешь! Я хочу жениться на тебе, я полюбил тебя на всю оставшуюся жизнь. Представь — счастливые ЖВХ, — в одном хоботе на всю жизнь.

Мы будем здесь лежать, обнявшись навсегда, всё общее — жилище нас объединит, родятся дети — прямо в хоботе, не нужно им, как нам, протискиваться сквозь кишку, говном измазанным стремиться в хобот.

КШ: Я не стремлюсь... ещё, у меня бабушка ухода требует, я не могу сейчас, быть может, после — через год-другой?

ЖВХ: О, Шапочка, ну почему... я так люблю тебя, а ты... я хотел подарить тебе всё самое лучшее, что есть у меня — мою любовь и хобот... Весь мир тебе и мне покажет. Слоны, даст фрукты спелые, я буду читать тебе стихи поэтов Бродского, Айги — я знаю много наизусть стихов и песен. Вот послушай:

Мы будем жить с тобой на берегу,
Отгородившись высоченной дамбой...

КШ: Ой, мне надо торопиться, солнышко скрывается, мой муравейник закрывается

(Убегает, позвякивая судком и скрипкой.)

ЖВХ: О, господи, ушла, покинула меня, несчастного, как жить теперь... (видит шапочку, которую в спешке обронила Красная Шапочка) ...шапочка... её... надену-ка на память (показывает знаками Слуге, и он надевает на ЖВХ шапочку).

Пойду на Север, как Шпаро, с детьми, или как Конохов, один! Эй, Слоны, мы отправляемся на полюс, где льды и снег, откроем новые маршруты, и водрузим флаг Родины на ледяной горе, на Фудзияме, и впишем наши имена в историю географических открытий. И позабудем эту девушку навеки!

Наступает новая ночь, темнота сгущается, ЖВХ сворачивается калачиком и засыпает, молча плача в темноте. Свет луны освещает ЖВХ и его слёзы, падающие сверху, как звёзды, на землю.

СЧАСТЛИВЫЕ ЖВХ:
В ОДНОМ ХОБОТЕ НА
ВСЮ ЖИЗНЬ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Окружающий мир освещается светом восходящего солнца. Совсем другой пейзаж — скорее среднерусский или южно-уральский, пара камней, чахлая берёза, кочки, чьи-то кости, ветхие вещи разбросаны по сторонам, какие-то железяки, детская коляска, вдалеке низкие горы, поросшие еловыми деревьями и заводскими трубами. Слева выезжает Слон с ЖВХ в красной шапке, в зубах у него выцветший российский флаг.

ЖВХ (воткнув флаг в кочку): Сначала я нёс чемодан со своими вещами, потом, когда уже не стало сил, я выбросил поклажу, оставив только флаг Родины своей (целует флаг). Как много мы прошли, здесь отдохнем на полпути к Антарктике. Где ж это я? Что это за местность? Похоже, что Россия, какая-то глубинка, возможно, что Урал.

Слон начинает вести себя очень странно, размахивает хоботом, раскачивается, кашляет.

ЖВХ: Что с моим Слоном? Не заболел? Вдруг простудился, начнется насморк — что тогда?

ЖВХ оглядывается вокруг и вдруг видит какую-то палку, лежащую на земле, он опускает хобот и зубами поднимает её. Это знак радиоактивности, когда-то он стоял на кочке, где флаг теперь стоит.

ЖВХ: Что это такое? О боже, радиация! Здесь всё заражено! Челябинск-70, вот какое болото мы вчера переходили. Могильники кругом! Мой Слон родимый заболел, и скоро мне конец! Что делать? Скорей отсюда!

Слуги Слона быстро достают из сумок противогазы и надевают на себя, после достают длинные белые халаты и надевают, помогая друг другу.

ЖВХ: А мне, а для меня — найдётся?

Один из Слуг (теперь Санитар) достаёт ещё один противогаз и надевает на ЖВХ.

ЖВХ (глухо): Сп..а..си..бо...

Санитары пытаются увести Слона с опасного места, но он не слушается, он явно сошёл с ума. Он дёргается, хобот мотается в разные стороны, его качает. Внезапное безумство охватывает Слона, он размахивает хоботом и ломает им берёзу.

ЖВХ: Ой, ой, что ты, мерзавец, делаешь, больно же!

Вдруг Слон поднимается на дыбы и обрушивается на детскую коляску. Из неё доносится детский крик, который, правда, быстро умолкает.

ЖВХ: Что это было? Ребёнок? (сбрасывает противогаз). Чей? Слон облучился и сошёл с ума, и растоптал коляску детскую, и погубил ребёнка. А я живу в Слоне, я обитатель хобота проклятого Слона! Да мало его убить!! Тебя убить, детоубийца, мало!!!

ЖВХ хватает зубами флаг и пытается острым концом дровка заколоть Слона, но у него ничего не получается. Наконец он ловко изворачивается и поражает Слона между ухом и глазом дровком флага. Слон покачивается, замирает. Потом с помощью Санитаров валится на бок, платформой на зрителей. Опять раздаётся жуткий детский крик, — видимо, Слон упал на полураздавленную детскую коляску и окончательно убил ребёнка. На платформе видна надпись: ЖИВУЩИЙ В ХОБОТЕ СОВЕРШИЛ СУИЦИД СВОЕГО СЛОНА. Санитары в противогазах смотрят на ЖВХ, болтающегося в хоботе туда-сюда, над ним развевается российский флаг, воткнутый в голову Слона.

ЖВХ: Что это было? Опять ребёнок, мы раздавили дитя, я раздавил Слоном дитя!

Дайте мне свободу, я не могу здесь оставаться, мой Слон погиб, а я убил ребёнка.

Теперь и мне не жить — вы слышите — дайте мне свободу, я облучился и сошёл с ума.

Один из Санитаров берёт из кучи металлолома двуручную пилу и подходит к хоботу.

ЖИВУЩИХ В ХОБОТЕ РАЗБУДИЛИ
НОЧЬЮ ПО ТРЕВЛГЕ И ОНИ
ПОБЕЖАЛИ НАДЕВ ПРОТИВООГАЗЫ

Санитары начинают пилить хобот. Звуки скрежета разносятся на всю округу.

ЖВХ: Осторожно, ноги!

С грохотом падает хобот вместе с ЖВХ на землю. ЖВХ вскрикивает, а Санитары продолжают пилить бивни — они поочерёдно падают прямо на ЖВХ.

ЖВХ: 100 фунтов стерлингов за пару!

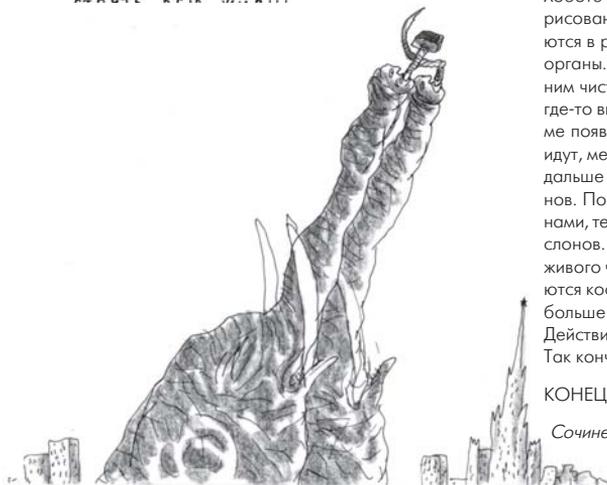
ЖВХ, извиваясь, пытается ползти по земле, издавая вопли, Санитары сдёргивают белый лист бумаги с платформы с предыдущей надписью и бросают в сторону. На платформе появляется новый текст: ЧТО ДАЛА ЕМУ ЭТА СВОБОДА — ПОЛЗЁТ ПО ЗЕМЛЕ, КАК ЧЕРВЯК. Слуги снимают противогазы, берут в руки бивни, встают по сторонам и начинают играть на них африканские мелодии. ЖВХ пытается вскочить, подпрыгивает — танцует в ритме музыки. Музыка становится активней и громче, ЖВХ всё танцует и танцует «Танец хобота», пока не падает бездыханный на землю, и замирает.

КАРИНА ВТОРАЯ

Тем временем с разных сторон появляются странные полуголые, ободранные, в необычных одеждах люди — Мутанты*. Они медленно приближаются к Слону, сначала пугаясь его вида, но потом один из Мутантов, похоже, африканской национальности, знаками показывает всем, что Слон мёртвый и его не надо бояться. Мутанты набрасываются на Слона и начинают снимать с него уши, куски шкуры, хвост, разбирают по частям: оторвав ноги, они превращают их в барабаны, натянув шкуру и используя кости, принимаются играть на них танцевальные ритмы. После Мутанты вытаскивают из Слона его внутренние органы, исполняя с ними танцы вокруг лежащего ЖВХ.

* По моим представлениям, Мутанты — это те же музыканты, созвучие слов не случайно. А происхождение их понятно, так как последнее действие происходит на Урале, недалеко от Челябинска.

КАК БЫ ЭТО ГЛУПО НЕ ВЫГЛЯДЕЛО
ЖИВУЩИЕ В ХОБОТЕ ДОЛЖНЫ ТАК
ПОДНЯТЬ СВОИ ИЛИ

Танцующие Мутанты:

Вот Мутант в чёрной майке и «гагах» прицепил себе уши, бегаёт вприпрыжку туда-сюда.

Мутант-солдатик, одичавший дезертир, схватил печень, прекрасную печень Слона, всю в цветах, понёс, как мешок картошки. После он будет срывать с печени цветы и раздавать всем вокруг, а когда они кончатся, он откроет печень и оттуда посыплются охапки цветов, которые солдатик будет бросать в публику, и счастьем озарится его усталое небритое лицо.

Один из Мутантов нашёл мозг Слона и очень удивлён его размерами. Другой, в большой шапке, даёт ему понять, что у него-то мозг побольше будет. Он снимает шапку и достаёт оттуда свой мозг и показывает другому. Тот прячет мозг Слона себе в кепку, потому что там у него ничего нет, после ходит по сцене, изображая Слона.

Мутант-африканец, обрусевший, осевший в Челябинской области, когда-то носивший гордое имя Мугуга, он изучал математику в ЧГУ. Сейчас он бегает с мочевым пузырём, с почками Слона и обрызгивает его содержимым своих друзей.

Мутантка, ранее была Красной Шапочкой, теперь то ли девочка, то ли старушка, несёт, прижимая к себе, сердце Слона. Потом она подарит одному из Мутантов это сердце, а он услышит, как оно стучит, и откроет его, чтобы узнать секрет биения сердца, а оттуда, изнутри его, вылетит резиновая душа Слона и взлетит на небо, и превратится в белое облако, и улетит в тёплые края.

Мутант-рудокоп, шахтёр, добыл из недр Слона его лёгкие, взобрался куда повыше и прыгнул в надежде полететь. Но сдулись лёгкие, стали тяжёлые — упал рудокоп на землю, ушиб свой горб.

Мутант-балерун, танцует с солитёром, разбрасывая его членники во все стороны.

Мутант в хламиде, стащил с ЖВХ хобот и надел его на голову. Теперь ходит туда-сюда, пугает детишек, слепой и неуклюжий. А на земле остался лежать голый ЖВХ, только на голове у него красная шапочка. Один из бродяг сдёргивает с платформы старый лист, и на ней появляется надпись: В ПУСТЫНЕ ОСТАНУТСЯ ТОЛЬКО БЛЕДНЫЕ КОСТИ СЛОНА И ЖИВУЩЕГО В ХОБОТЕ. Постепенно праздник-карнавал «Победа над Слоном» замирает, начинает темнеть, на лежащем Живущем В Хоботе явственно проступают очертания костей скелета, нарисованного флюорисцентной краской. Мутанты разбредаются в разные стороны, унося части Слона и его внутренние органы. Последний мутант сдёргивает лист с надписью, под ним чистая белая поверхность. Становится темнее и темнее, где-то сверху зажигается кинопроектор, и на белой платформе появляются идущие по саванне живые слоны. Они идут и идут, медленные, живые, устало поднимая огромные ноги, всё дальше и дальше, не останавливаясь, бесконечное стадо слонов. Покинувший Хобот попытался было пойти вслед за слонами, теперь уже не человек, а скелет идёт в темноте за стадом слонов. Вдруг он вошёл в луч кинопроектора и превратился в живого человека, но снова отстал, и опять — скелет, подгибаются кости, падает на землю и остаётся лежать на земле, всё больше и больше превращаясь в мёртвый скелет человека. Действие прекращается. Слоны идут. Музыка продолжается. Так кончается история о Живущих В Хоботах.

КОНЕЦ

Сочинено доктором Леонидом Александровичем Тишковым в Переделкино в декабре 1996 года.

Марина МОСКВИНА

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА

«Пока живёшь, будь мёртвым, совершенно мёртвым, а затем поступай, как хочешь, потому что тогда всё в порядке.»

Ли-Цзы

Меня зовут Люся Мишадоттер. По паспорту я русская, хотя все мои родственники — это какая-то адская смесь из индустанцев, удмуртов, кхмеров, каракалпков, ненцев, коряков, маньчжуров, германошвейцарцев, парсов, белорусов, юкагиров, один каким-то шальным образом в эту компанию затесался гваделупец, зато на редкость богато представлен маленький северный народ ийе и евреи Израиля.

Причем все борются за то, чтоб я принадлежала именно к их, собственно говоря, ничем не выдающейся нации.

Я же считаю себя исключительно потомком гордых викингов — отсюда это имя — Мишадоттер, что означает «дочь Миши». Это мой литературный псевдоним.

Ни для кого не секрет, что я стану великой писательницей. Я напишу роман, какой никто никогда не писал, да и не мог написать, я напишу книгу о своей жизни.

Мне только всё некогда засесть. Жизнь меня страшно увлекает, вот в чём беда. Лишь когда судьба начинает катиться под откос или небо разверзается над моей головой, я иду к письменному столу, разгребаю завалы, мочу тряпочку, тщательно вытираю пыль со стола, включаю обогреватель, сажусь и на чистом листе бумаги, трепеща, большими печатными буквами вывожу синей шариковой ручкой:

«УТОПЛЕННИК»

а внизу помельче:

«роман»

Потом идет эпитафия:

«И только когда он утонул, лицо его приобрело спокойное и дружелюбное выражение...»

Из подслушанного разговора.

Катастроф у меня, слава богу, навалом. Неслыханные потрясения, чудовищные неудачи, сокрушительные несчастья, новые и новые аварии то и дело обрушиваются на меня. Другой бы великий писатель на моем месте был бы раздавлен жизнью, впал в чёрную меланхолию и на этой почве давно бы разразился «Утопленником», да еще создал бы одноименную пьесу для радиопостановки.

Я же, бедолага, все время вырливаю. Минуту назад кругом расстилалась выжженная пустыня и громоздились голые бесплодные скалы, ни тени любви, ни намека, телефон молчит, нигде никакого интересного мероприятия, на улице минус двадцать градусов: либо иди вешайся, либо садись пиши книгу.

Это великий миг, когда мир — так мне кажется — смотрит на меня с надеждой. Доктор Фауст бы ахнул, сам

Вольфганг Гёте бы закачался, узнай, к какому мгновению я обращаюсь с мольбой остановиться.

Но именно в этот момент, практически полностью в безвоздушном пространстве, на пике тоски жизнь снова начинает подавать признаки жизни, и вот я уже затылком чувствую, каждым своим позвонком, её дыхание, её сердцебиение, её кровообращение... Какой идиот станет в этом случае безвылазно сидеть дома, а не ЖИТЬ, ЖИТЬ и ещё раз ЖИТЬ на полную катушку?!

Так я сидела однажды за письменным столом, уставившись в окно, — там пара ворон одиноко парила в небе. Я мирно ждала, когда меня осенит первая фраза. Ни в коем случае нельзя недооценивать её значение, когда пишешь роман. Это как вдох, как первый крик ребёнка. Если тебе удалось начать — расслабься и радуйся, Бог довершит всё остальное. Но уж начать-то, чёрт побери, начни!

А то я тут еду в метро, подходит ко мне человек — очень гладко выбритый — и говорит:

— Вы не можете мне кончить?

— А вы уже НАЧАЛИ? — спросила я его, сдвинув брови.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую. И всю дорогу делал вид, что между нами не произошло столь жизненно важного философского разговора.

А впрочем, было бы неплохо, если Бог тоже бы и начал. Чтoб самому вообще не делать никаких усилий. Поэтому мысли у меня были заняты тем, что я опубликую эту вещь в журнале «Дружба народов», поскольку в ней будет шуметь ветвями мое исполинское генеалогическое древо, иными словами, всюду будет тусоваться моя непутёвая, честолюбивая, свихнувшаяся на своих национальных распрях и религиозных предрассудках родня, включая, разумеется, абхаза Колю Гублию, хоть он мне седьмая вода на киселе, вечно бухого, с завидным здоровьем, живущего по непонятным никому причинам под солнечным небом Гваделупы.

Естественно, мой роман выдвинут на премию Букера и переведут на все языки мира, в том числе на язык маленького народца ийе! Я стану страшно знаменита. Газеты мира будут перемывать мне кости, раздувать слухи о моих любовных приключениях, я стану секс-символом Европы. Даже мой муж Лёвик, может быть, обратит на меня внимание. Впрочем, на Букера он вряд ли обратит, если только на Нобеля, на двух Букеров и одного Нобеля... Ведь он такой у меня, всецело сосредоточенный на достижениях в области культуры.

Лёвик — фотокор. Он фотографирует знаменитостей. Только великие деятели искусств, сокровища всех времен и народов, могут надеяться на то, что Лёвик станет с ними возиться. Дизи Гиллеспи своей лучшей фотографией обязан Лёвику. Без всякого «рыбьего глаза» Лёвик снял Дизи с такими надутыми щеками, пылающими глазами и раскалённой трубой — никто не верит, что там вообще изображено человеческое существо.

— В наше время сисек и пиписек, — жалуется Лёвик, — я как фотограф-поэт терплю фиаско. Я покажу одно ухо человека, а перед тобой — вся его судьба. Руки какие на моих фотографиях выразительные! А глаза?! Взгляни в глаза моего Гиллеспи! Кому нужен его старый натруженный член?!

Не знаю, мне кажется, в таком негритосе, как Дизи Гиллеспи, все прекрасно, а Лёвик — ханжа. Одно появление Дизи в яркой гавайской рубашке, с пузцом, — в руках футляр с трубой, блаженная улыбка — производило фурор. Последнее время он мало играл уже на трубе. Он просто выходил на сцену с другими музыкантами. *Он просто выходил, смотрел и улыбался.* И все тащились от его присутствия.

А то, что Лёвик делит жизнь на прекрасное и безобразное, душит его как творческую личность и не даёт стать гением. Я иногда думаю: если бы он осмелился подарить миру фотографию «член Дизи Гиллеспи» — да, старый член лучезарного Дизи — в памяти человечества Лёвик остался бы великим фотографом.

Я Лёвика, бедолагу, совсем не интересую ни под каким соусом. Даже в наши лучшие времена, когда мы с ним только что познакомились и он ухаживал за мной как бешеный, Левик не сфотографировал меня ни разу.

—Пойми, — объяснял он мне, — это моя работа, а не хобби.

Иной раз до абсурда доходит. Еду я в метро, ко мне подходит человек — вполне цивилизный, в дорогой кофте, не пьяный — вытаскивает пачку денег и говорит:

—Вы фотографируете за деньги?

Я отвечаю:

—Фотографируюсь.

—Как? — спрашивает он.

—Как-как? — говорю я. —Иду в фотоателье, плачу деньги и фотографируюсь.

Лёвик очень злится, когда я вступаю в контакты с незнакомыми людьми на улице или в транспорте. Он говорит, что снаружи я чистойлюй, а в подкорке у меня заложена ужасная тоска по отбросам общества. Лёвик постоянно игнорирует тот факт, что я романист и нуждаюсь в бездне впечатлений.

Я просто вынуждена целыми днями слоняться по городу! Ибо то, что мы с Лёвиком считаем местом своего обитания, это полностью позабытый Богом район. К нам приехал родственник из Оренбурга дядя Рома, у него был инсульт, он уже пять лет вообще не разговаривает — двигательная функция дяди Ромина сохранилась, а речевая атрофировалась. Так вот этот дядя Рома вошёл к нам в подъезд и сказал:

—Г р з н о.

И с тех пор снова больше ничего не говорит.

Что я могу к этому добавить?

Всё такое тут не моё: и дома, и асфальт, и машины. У меня здесь совсем нет знакомых, я почти ни с кем не здороваюсь. Я не могу тут причислить себя ни к одной категории людей: ни к детям, ни к старикам, ни к женщинам.

Даже небо тут кажется не моим, хотя небо-то уж я всегда и везде рассматриваю как личную собственность.

Пожалуй, я заслуживаю иного вида из окна — хотя бы на речку Сену и пароходики в огнях, я уж не говорю про тонущий в тумане Нотр-Дам. А на крыше у меня должны бы цвести подсолнухи. Именно подсолнухи — вы слышите или нет?! Потому что я этого заслуживаю! Всей своей самоотверженной жизнью, а также прошлыми рожденьями заслуживаю ранним утром или после полудня и в сумерках сидеть на крыше в соломенном кресле с яблочным пирожком и чашечкой кофе. Воздух теплый, из кафе напротив доносятся музыка, смех, доброжелательные разговоры...

А не дрель, молоток и пила моего соседа сверху, который истошными воплями уморил свою старенькую маму и теперь над моей головой уже не первый год в любое время суток пытается раздолбать несущую стену.

Плюс, конечно, картина из моего окна! Как мне пришлось поработать над собой, чтобы полюбить её всей душой. Но и здесь тоже — даже тут! — в сером снежном безжизненном пейзаже вполне можно наблюдать непредсказуемость жизни.

Как-то раз к нам во двор влетела громадная стая птиц. Их было великое скопление. Сначала они появились в отдалении, издавая крыльями шум, напоминавший завывание вьюги. Когда же они приблизились, я почувствовала такое движение воздуха, что в окне загудели стекла.

Птицы прибывали неисчислимыми массами, воздух был буквально полон ими, солнце — совершенно затемнено, как при затмении. Они метались между небом и землей, издавая нежные дрожащие звуки, как будто стонали или смеялись. Полёт их отличался самыми затайливыми изворотами. Это были явно перелетные птицы, а не кочевые или оседлые.

Люди на улице останавливались и задирали головы. Во дворе старушка гуляла с таксой. Я часто вижу их, обе такие крошки. Такса ее таскает на поводке, словно какой-нибудь сенбернар. А у старушки *всегда* маленькая сумочка под мышкой. И мне всякий раз любопытно: что у неё в этой сумочке?

Я помню с подобными сумочками по берегу Чёрного и Балтийского морей поздней осенью и раннею весною бродили тётки из прибрежных санаториев.

Однажды я спросила у Лёвика: что у них там, интересно, в этих сумочках?

Лёвик ответил:

—Ракушки, дура, и бутылочные стёклышки, обкатанные волной.

Птицы собирались в течение часа, покрывая собой несколько рядов карнизы крыш и телевизионные антенны. И вдруг снялись все разом, пикируя на деревья.

Это были невиданные мной птицы, крупнее воробья, аспидно-синие, с чёрным хохолком, острыми крыльями, тонким клювом, а вдоль крыльев проходила яркая голубая полоса.

Что с ними приключилось? Сбились ли с пути? Летели-летели, а впереди океан — слишком уж бескрайний для чёрных хохолов? Или перелетаемые горы?

Но ведь их ведёт Проводник — Дух Птиц, это он собирает свои стаи осенью и побуждает двигаться на юг не слишком рано и не слишком поздно, чтоб избежать зимы и холодов. ОН возвращает их весной, ОН указывает им высоту, на которой именно им, именно над этой землей или водой лучше всего лететь, Дух Птиц, они слушаются его неукоснительно. Что им думать да гадать, смогут ли они преодолеть горы или океан? Дух ведёт их, и они летят. Кто-то сможет, этого достаточно.

Или он отвлекся? Или заснул? Или что-то хотел сказать нам этой возбуждённой стаей?

Наутро вся рябина склёвана, ни одной птицы во дворе. Даже наши вороны куда-то подевались.

И вместе с ними исчезли такса и старушка. Только сумочка осталась лежать на снегу. Сейчас нельзя чужие сумочки трогать — вдруг там взрывное устройство? Вызвали милицию, саперов. Но сапёров пришлось очень долго ждать. А когда они приехали, сумочку уже кто-то свистнул.

Зато со мной этим утром произошёл странный случай. Мне позвонила Каринка, моя подруга, и говорит:

—Зайди ко мне! У меня в гостях знаменитая ясновидящая из Еревана. Человека видит насквозь! Всё скажет — что было, что будет, сто процентов из ста! Диагнозы ставит — как рентген. Кого тебе надо — приворожит, не надо — отводит, под её взглядом у одного армянина зарубцевалась язва желудка! Это потрясающе!..

Я сразу вспомнила, как недавно меня обчистили на Чистопрудном бульваре. Я иду из своей газеты с гонораром, а мне навстречу две цыганки. С одной только взглядом встретились, и я мгновенно забила в её лапах.

Она подходит и говорит:

—Не бойся, не буду тебе гадать. Одно скажу: хорошая ты девушка, а в любви тебе не везет. Много ты добра делаешь людям, а они этого никто не ценят. Вот я сейчас порчу сниму! Дай мне свой волосок, этот волосок надо в рублик завернуть.

Она вынимает у меня из сумки кошелек и заворачивает волосок в стуроблевку:

— Только в руки не бери! Я тебе заверну и обратно положу,— а сама накручивает всё более и более крупные купюры.

Помню, сквозь туман в голове моей забрезжило: всё, привет, осталась без пфеннинга, и вдруг я ловлю себя на том, что жду этого момента, как фокуса.

—На арабском языке молитву не читай!.. На могилу не ходи!.. Фу! Фу! — она подула на руки и разжала пустые ладони.

Дэвид Копперфильд позавидовал бы ловкости этих немолодых уже, смуглых, мозолистых рук.

— Так, — деловито сказала она, — здоровья тебе, счастья, радости!

—Счастья! Счастья! — вторила ей вторая цыганка.

—И вам счастья, девочки! — я им ответила и потрепала свою по голове.

Я вообще, когда меня обжуживают, всегда это знаю, чувствую и понимаю, но не могу совладать с обаянием момента. Какой-то звон в ушах начинается, я улыбаюсь своей фирменной придурковатой улыбкой, и вроде даже люблюсь мошенничеством как особым и полноправным видом искусства.

—Я не приду, — сказала я Каринке.

—Зря! — она уговаривала меня. — Тебе это было бы это интересно! Как романисту!.. Весь Ереван по ней с ума сходит.

Я и пошла.

Ну что ты скажешь, на кухне у Каринки сидела женщина, которая мне сегодня приснилась, причём в чёрно-белом изображении. Обычно мне снятся цветные сны, порой такие яркие, что хочется выскочить из этих спящих красок, особенно когда снится солнце, одно сплошное солнце ...во весь экран.

Но это был чёткий графический сон — так снятся мне люди уже неживые. И там она поцеловала меня, к моему удивлению, совсем незнакомая женщина.

Я ей сказала об этом.

— ...Бог любит её, — отозвалась она, искоса взглянув на меня, и поставила передо мной чашку чая. — Иисус несёт её на вытянутой руке.

Она села напротив и поглядела на меня в упор. Потом долго молчала. Так долго, что Каринка с тревогой спросила её на армянском языке, — когда она волновалась, она произвольно переходила на язык своих предков из Кафана:

—Что-нибудь не так?

—Нам этого нельзя говорить, — ответила та на армянском, — но ей я должна сказать...

—*Ты завтра умрешь*, — она произнесла по-русски, мягко и спокойно, как нечто само собой разумеющееся.

И я восприняла это так же в первый момент. В полнейшем молчании я выпила чаю и съела печеньице.

—Ну, мне пора, — говорю, посидев чуть-чуть с ними для приличия. Неясно, о чем можно было разговаривать после подобного заявления.

Каринка кинулась за мной к лифту.

—Я тебя умоляю, не бери в голову! Что на неё нашло? Она никогда ни с кем не разговаривает на такие темы. Её сколько раз об этом спрашивали, она молчит. Когда тебе позвонить?!

—Послезавтра!

Я завтра умру, подумала я и сразу почувствовала, как включился и заработал какой-то могучий защитный механизм, чтобы эта мысль показалась мне забавной.

Ерунда! Просто ерунда! Чёрт меня дернул пойти к этой ясновидящей. Мало мне моего психотерапевта Гусева.

Нет, это невозможно. Невозможно, и всё! Я! Молодая, здоровая... красивая! Да-да! В фас я вполне даже ничего... И вообще, у меня совсем другие планы.

Я пишу книгу. Большой роман, которого ждет, затаив дыхание, человечество. Я собираюсь его напечатать, получить премию, на эти деньги отправиться в Турцию (Турция, может быть, будет мне по карману), хотя я давно хотела на Корсику, ведь это родина Бонапарта!

Я ещё не посадила дерева! У меня квартира, муж Лёвик, мы с ним на будущей неделе собирались купить велотренажёр!..

Я коллекционирую марки. Мне как раз обещали доставить одну очень ценную бывшую французскую колонию в северной Африке...

В конце концов, я рашу сына! Он, собственно, уже вырос, но совершенно не стоит на своих ногах — нигде не работает, не учится, целыми днями сидит у себя в комнате и сочиняет исключительно древнескандинавские саги...

Со мной ужас что творилось. Но прежде чем окончательно упасть духом, я зашла в парикмахерскую и остриглась почти под лысого. Тут же выяснилось, что у меня очень белые и оттопыренные уши.

Далее на моем пути оказалась почта — там продавалась фотографическая открытка: жук-скарабей катит по дорожке навозный шарик. Я написала на обороте: «Лёвик! Любовь моя! Это я качу к тебе самое дорогое, что у меня есть!»

И отослала по нашему адресу.

Если все обойдется, получим вместе, а нет — он один. Это будет моя последняя шутка.

Потом я зашла в поликлинику, пускай, думаю, посмотрят, может, со мной что-нибудь неладное?

Районный терапевт подробно обследовала меня, прикладывала холодный фонендоскоп к моей груди, села за стол и написала (я хорошо читаю тексты вверх ногами):

«Язык чистый сознание ясное»

Немного успокоенная этим заключением, я спустилась в метро и поехала к себе в редакцию.

— Белиберда! — почти уже беззаботно я думала, каत्याсь по эскалатору.

— Вас ждут седые пирамиды Египта!.. — звучало жизнеутверждающе из всех динамиков.

— Купите хорошие шубы по низкой цене на будущую зиму!..

— Избавим от табачной зависимости...

— Обратитесь к нам сегодня, завтра о вас будут знать миллионы!!!

Мне захотелось в сё это осуществить: во всем участвовать, приобрести, избавиться, обратиться!.. В па-

мяти всплыла притча, которую рассказал мой мальчик, когда ему было четыре года.

Одних людей в булочной замуровали кирпичами. Они так расстроились, что сразу умерли. А это была шутка. Мораль истории такова: никогда не надо отчаиваться.

Меня знобило. Сердце бухало так, что я начала опастаться, не беспокоит ли это окружающих пассажиров? У соседа слева я увидела книгу под названием «Секрет хороших поцелуев».

«Секрет хороших поцелуев, — прочитала я, незаметно скосив глаза, я всегда так в метро читаю газеты, журналы и бульварные романы, — заключается в ослаблении мышц рта. Никогда не целуйтесь с запечатанными наглухо губами и стиснутыми зубами. Разве может кому-то понравиться целоваться с человеком, у которого приступ судорог в челюстях?»

Я подняла на него глаза. Это был законченный оборот, как бы он теоретически ни продвинулся в этом направлении, вряд ли с ним кто-нибудь решится на практические занятия. У него есть единственный шанс, и этот шанс — Я! Я так люблю целоваться! Ой, я могу испытать оргазм просто от одного поцелуя.

Но он совершенно не обращал на меня никакого внимания.

Зато подвыпивший сосед справа, похожий на Пабло Пикассо «голубого периода», в берете и шарфе, вдруг наклонился ко мне и произнёс, элегантно грассируя:

— Мадам! Я вас приглашаю сожительствовать. Я живу в Долгопрудном. Не прельщает? Напрасно. Вот я сейчас возьму и пошлю вас на х... Если б вы знали, как я одинок!..

Неужели я завтра умру? Немыслимо! Да и с какой стати? Язык у меня чистый, сознание ясное. Что это будет? Несчастный случай? Насилие? Самоубийство? Дорожно-транспортное происшествие?

Меня прямо чуть не стошнило несколько раз!

Я выбралась из метро и в журнальном киоске увидела портрет гориллы. Такая на физиономии горечь! Трагизм, настоящий серьезный трагизм. Ещё эти чёрные волосатые опущенные плечи. И подпись: «Good bye, Human being».

— Люся! Мишадоттер!

Я оглянулась. По улице мягкой поступью азиатского гепарда шагал великий поэт России Тимур Байрамов.

— О, моя аппетитногая! — воскликнул он. — А?! Как эпитет? Ты знаешь, что я — король эпитета? Ну-ка, ну-ка, в чем дело, почему ты такая грустная? Ой, что-то не получилось, наверное, любовная сцена в романе. Боюсь, тебе не хватает впечатлений. Могу поделиться своими, если хочешь. В меня была страшно влюблена одна девка, — задумчиво сказал он, беря с книжного лотка Омара Хайяма.

У киоска болтался вор. Он ждал, когда кто-нибудь подойдет купить газету, «садился на хвост», прижимался к спине... — казалось бы — суй в карман руку и, независимо посвистывая, отходи. А он боялся и медлил, и все его попытки ограничивались прелюдией.

Я стала болеть за него. Ну — давай! Рохла! Действуй! Сейчас или никогда! У! Тютя! Мокрая курица!..

И вдруг спохватилась — что ж я делаю?

Я завтра умру.

—...Волейболистка, — рассказывал Тимур.— Высокая! всю жизнь она где-то меня встречает, вечно повсюду попадает на глаза, а я как-то не иду с ней на сближение. А тут она окликнула меня на улице и говорит: «Байрамов! Учти! Я все равно увижу тебя голым. Ведь я — патологоанатом». Кстати, Омар Хайям, — сказал он, — перед смертью попросил похоронить его там, где дважды цветут розы.

—Это, наверное, где-то в особенно теплом месте, — предположил продавец.

—Это метафора! — сказал Тимур и посмотрел на книжного торговца, как царь на еврея.

В редакции царило радостное оживление. Наш босс Алекс — ему девяносто лет, глазки синие, пронзительные, пьяный с одиннадцати утра, всегда говорит мне при встрече: «Люся, ты — бриллиант среди галек!» — предупредил народ, что зарплату, наверное, месяца четыре платить не будут, зато штатным сотрудникам — льгота: можно всей редакцией бесплатно прыгнуть с парашютом.

В дверь заглянула какая-то женщина.

—Прошу прощения, — сказала она, —вы случайно не знаете, как можно связаться с Михаилом Горбачёвым? —???

—Мне моя знакомая из Швейцарии прислала вот это письмо и попросила ему передать.

Я взяла письмо. На конверте было написано:

«M. Gorbachov. Russia».

—А что там?

—Ничего особенного. Просто выражает ему свое восхищение. Это такая мутотня, — смущённо сказала она. — ОНИ этого не понимают...

—Напишите ей, — я посоветовала, — что вы передали и он был ужасно растроган. Как ее зовут?

—Дженифер.

—Напишите, мол, так прямо и сказал по телевизору в программе «Время»:

«Эта Дженифер — страшно милая, если б все были, как она, я бы целому миру устроил нашу перестройку!»

Зазвонил телефон. Это был дядя Боря Ниточкин, мамин давний знакомый, абсолютно слепой человек.

—Люся, — он заявляет мне, — я решил перед смертью повидать Иерусалим, родину моих предков и, между

прочим, в какой-то степени твоих, ты в курсе, что моя настоящая фамилия Израиль?..

—Что значит «повидать»? — спрашиваю я грубо, но прямо.

—Ну... прикоснуться ко Гробу Господню, — он уточняет. — И мне нужен поводырь. Может, составишь компанию?

—Нет, — я ответила твердо.

—Ах так? — грозно произнес дядя Боря. — Тогда я скажу тебе правду: твой дедушка Соломон Моисеевич — НЕНАСТОЯЩИЙ еврей, он хитрый и изворотливый большевик!

И дядя Боря бросил трубку.

Из ящиков стола я выгребла дорогие моему сердцу бумажки, записки, обрывки рукописи и, когда совсем собралась, чтоб уйти и больше сюда не возвращаться, я остановилась около лестницы, на прощанье обернулась на этот наш коридор, кажется, я заплакала, сама не знаю почему.

Все эти события сегодняшнего дня лишили меня моих обычных мыслительных способностей. В лифте я встретила пьяного босса, который увидел меня и сказал:

—Люся! Ты — бриллиант среди галек!

Я отвечала всё невольно, и когда он сказал мне «До свидания!», я ответила: «И я вас!»

Я шла по Тверскому бульвару, потом по Гоголевскому, сердце у меня выскакивало из груди, оно где-то билось на полметра впереди, и, как это ни странно, я забрела в Музей Востока. Там, у золотых статуй Будд, сидели малыши с бумагой и карандашами. За ними каменной стеной стояли их родители.

—Всю свою жизнь Гаутама Будда, — рассказывала малышам руководительница кружка, — посвятил тому, чтоб узнать, в чем причина страданий. И он это выяснил! — она как песню пела. — Не надо ни к кому и ни к чему привязываться и не надо ничего хотеть, не надо ни к чему стремиться и не надо ставить цели, не надо эти цели достигать!..

Она подняла глаза на родителей. У них было у всех одинаковое выражение лица — смесь чисто человеческого недоумения с важной строгостью органов государственной безопасности.

Тогда она спохватилась и добавила:

—НО БУДДА БЫЛ НЕПРАВ!

И тут я громко засмеялась. Все обернулись на меня, а я стою и хохочу, как полоумная, немного приплясывая и хлопая в ладоши, со мной такое бывает, ко мне ещё в школе во время урока врача вызывали, дикие приступы смеха сотрясали всё моё существо, меня даже водили к психиатру, но он это объяснил половым созреванием, и вот я завтра, наверно, умру и свои припадочки заберу с собой в могилу.

Я повернулась и бросилась бежать, заботясь лишь о том, чтобы не споткнуться обо что-нибудь и не упасть,

и не загромоздить прямо с выставки Будд в милицию или психушку.

Нет, я не понимаю: я завтра умру или не умру? Хорошо, отбросим слово «завтра». Что остается? Умру я или не умру? Умру, конечно! Тогда какая разница, чёрт побери, когда это случится?!

...А как же те, кого я люблю и кто любит меня, для кого я ещё что-то значу? *Как же вся моя жизнь???* Я должна её увековечить. Всем напишу, пока не напишу роман — не умру! А уж как напишу — тогда пожалуйста. Это моё последнее слово.

Я вернулась домой, взяла мокрую тряпочку, стёрла пыль со стола, включила обогреватель, села и на чистом листе бумаге синей шариковой ручкой написала: «Последний роман Люси Мишадоттер о её безалаберной жизни, написанный с благородной целью увековечить эту жизнь в веках. Название «Утопленник» (условное). Просьба перевести на все языки мира, а гонорар передать в фонд спасения китов».

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОПОЗНАНИЕ МЛАДЕНЦА.

Порой мне снится один и тот же сон, как будто жизнь моя сворачивается, как полотно, и я кувырком лечу в детство. Там столько солнца! Свет разгорается, нарастает — ...и неожиданно гаснет. В этот момент я обычно просыпаюсь. И мне всегда интересно — а дальше?

Мне кажется, это сон о смерти.

Я помню, когда я родилась, мой дедушка Соля сказал, я отлично помню, как он произнес, он даже не произнес это, а изрёк:

—Брови намечаются широченные!

Это заявление выдавало в нём человека, способного видеть самую суть вещей, поскольку от первого моего вдоха и лет до двадцати семи бровей у меня вообще не было как таковых, ни единой волосины на лысых надбровных дугах.

А уж когда я выросла и заматерела, как знак боевой мощи и духовной зрелости, у меня появились низкие, темные брови, сросшиеся на переносице, имевшие столь грозный и внушительный вид, что мужчины стали шарахаться от меня, пронзённые мыслью: «Эта уж полюбит — так полюбит!»

Впрочем, какую роль, вы спросите, черт бы тебя побрал, собираются чьи-то брови сыграть в нашей безвозвратно потерянной жизни, этот атавизм, жалкое напоминание о золотом веке, когда человечество — сплошь от макушки до пяток — бушевало яростной некротимой растительностью, выродившейся — не прошло и двух-трех тысячелетий — в худосочный волосяной покров подмышек да чахлый куст лобка?!

А я только рассказываю, как было, вот и всё. Ведь то, что я пишу сейчас — *это действительно было*, и теперь я хочу одного: как можно правдивее изложить факты

и вехи моей биографии, простым карандашом набросать лёгкий контур моей судьбы, ибо я могу умереть в любую минуту.

Однако историческое высказывание моего дорогого дедушки Соли, Соломона Моисеевича Топпера (не Топёра, а Топпера — он всегда подчеркивал — с двумя «п», ударение на первом слоге!) имела для меня колоссальное значение, поскольку дедушка Соля приходился отцом моему родному папе Мише.

А папа в то время был женат. Причём абсолютно не на моей маме. И от того, что скажет дедушка, — от папы я или не от папы — зависело, позволят ли папе его родители, его бесконечные тётки и дяди, двоюродные и троюродные сестры, старший брат Фима и разные седьмая вода на киселе — уйти от законной жены, фамилия которой, кстати, была Ломоносова, к своей любимой женщине — моей маме.

Дедушка артачился. Больше того, он поклялся страшной клятвой, он ел землю и давал Ломоносовым голову на отсечение, что вернёт им папу, чего бы это ни стоило, или он не Соломон Топпер, чье слово закон для всех Топперов нашей Земли.

Но папа ускользал, просачивался в щели, он уходил, как воздух между пальцев, и когда дедушке Соле все же удавалось поймать его за хвост, лишь хвост оставался у него в руке.

Именно тогда во всю ширь блистательно развернулась черта папиного характера, о которой моя мама Вася впоследствии отзывалась так:

«Миша — он и отказать не откажет, и сделать не сделает».

Да и если на то пошло, папа был уже не тот Топпер, что прежде. Женившись на Ломоносовой, он взял себе её фамилию и таким образом стал просто-напросто Михаил Ломоносов. По мнению папы, это должно было способствовать его научной карьере.

Дедушка Соля тогда тоже страшно обиделся.

—Тебе твоей фамилии стыдиться нечего, — сказал он папе. — Мы, Топперы, еще не посрамили Земли русской.

Дедушка Соля имел в виду ставшую легендарной в семействе Топперов историю о том, как в разгар гражданской войны он брал брата контрреволюционера Савенкова. Соля ехал на телеге — изображал крестьянина, а в телеге под сеном прятались красногвардейцы. Поравнявшись с бандой, Соля вскочил и засунул брату Савенкова дуло в рот.

Это был единственный случай, когда Соля использовал по назначению свой именной парабеллум под номером 348 562, подаренный Соле, как он утверждал, самим Климом Ворошиловым. А так всю Гражданскую войну он колот им орехи.

— Хороший у меня парабеллум — орехи колотить, — любил гваривать Соля. — Жалко, товарищ Ворошилов к парабеллуму мешок орехов не присовокупил.

То были золотые деньки, когда у дедушки Соли волосы на голове росли вертикально вверх, словно крона мексиканского кипариса, за что он среди своих товарищей получил партийную кличку Дерево Монтесумы.

— У меня вся голова в шрамах от ударов казачьих сабель. Если я облысею, я застрелюсь, — обещал Соля. — Не вынесу позора, слово коммуниста! Как только появится решительная лысина — всё!

Потом он вылетел из партии, облысел (Соля врал — лысина у него оказалась гладкая, блестящая, ни в каких не в шрамах!), но это прозвище за ним закрепилось до такой степени, что, забегая вперед, скажу — на его могильной плите на чёрном граните золотыми буквами начертано:

«Соломон Моисеевич Топпер
(Дерево Монтесумы)»

В ту пору, когда Соля бойкотировал мою маму, Дерево Монтесумы полностью сбросило листву. Остались лишь густые косматые брови цвета вороньего крыла. Из-под этих-то вороньих крыльев он метал громы и испускал в мамину сторону злобные флюиды, потому что, повторяю, ему было неудобно перед Ломоносовой, а главное — перед её мамой, которая работала в ЦК.

Он угрожал, что ноги его не будет в нашем доме, а также других ног родственников со стороны папы. И всё же в один прекрасный день первая нога Топперов осторожно ступила на нашу землю, и эта нога принадлежала младшей сестре дедушки — тётё Эмме.

Она вошла и с порога объявила, чтобы все слышали, в том числе и я:

— Если чёрненькая, то наша, а если беленькая, то пусть нам не вешают лапшу на уши!

Этим поистине соломоновым решением столь щекотливого вопроса она тогда навеки покорила мое сердце. И хотя я была абсолютно бесцветная личность, тётя, лишь приподняв уголок одеяла, твердо сказала: — Наша!

Чем породила жуткую внутриусобную борьбу. Из разных точек Земли для опознания младенца стали съезжаться Топперы всех видов, образцов и мастей, устроив поистине вавилонское столпотворение. Среди них было много судей, рыцарей, отшельников и пилигримов.

Папа у нас жил тайно. И у него была одна рубашка, которую Вася ему через день стирала, поскольку я летом родилась, а он потел. Мы могли бы ему купить ещё одну, но мой папа смолоду отличался великой бережливостью, единственное, что он позволил себе, —шить у Кудрявцева пальто из бабушкиного серого шевита, этот самый Кудрявцев лучше всех шил в Москве пальто!

Когда приходили волхвы или вражеские лазутчики, папа прятался в бабушкином платяном шкафу. И только на четыре коротких звонка тётё Эммы папа сам бе-

жал открывать дверь, потому что тётя Эмма приносила ему фаршированную рыбу, которую он очень любил, а из нас троих её никто не умел готовить.

Однажды к нам в дом явился поразительный тип — бывший Хоня Топпер, а ныне — он так назвал себя — Харальд Синезубый. Хоня имел прописку в Киеве, но считал себя подданным другой страны, которую он придумал. У него был свой собственный флаг, свой герб, деньги, имя Харальд Синезубый — всё он выдумал. А житьё-бытьё в Киеве ему представлялось, что как будто он консул в другой стране. Временно ему здесь деньги выдали (Хоня получал персональную пенсию), и он жил там как представитель своего государства.

В молодости он был известный художник-авангардист, его работы хранятся в Париже в Музее Современного Искусства. Он делал коробочки с дурным запахом и пользовался огромной популярностью среди вольнодумной молодёжи. За свою жизнь в искусстве он их наделал несметное количество, успешно продавая свои коробочки на родине и за границу, а когда удача изменила ему, он все раздарил и в мае тридцать седьмого года уехал отдыхать в Крым.

Оттуда он написал письмо жене, в котором просил её приехать. Она ответила телеграммой:

«А деревья цветут?»

Его вызвали в крымское отделение КГБ. И спросили: что она этим хотела сказать?

Кончилось всё очень плохо.

На прощанье он нам подарил живописное изображение президента своей страны — собственный автопортрет под стеклом в овальном фанерном ящике, украшенном искусственными цветами, и добавил, что ему трудно сказать — от папы я или не от папы, поскольку он моего папу Мишу видел всего один раз, когда тот ещё был в младенческом возрасте, а все младенцы похожи друг на друга как две капли воды.

Что же касается — уходить от законной жены или нет, он склоняется к «ДА» и как можно быстрее, пока она не прислала какую-нибудь идиотскую телеграмму и тебе не вкатали за это пожизненное заключение без права переписки. И впредь, — дядя Хоня воскликнул, — уж больше ни на ком ни в коем случае не жениться!

После того, как он удалился, даже у меня, грудного ребёнка, поехала крыша, не то что у бабушки и у Васи.

—Я когда опустила голову и увидела его башмаки, — сказала Вася, — абсолютно дырявые, я поняла, что имею дело с сумасшедшим человеком.

А моя бабушка огорчённо заметила, что в смысле Харальда Синезубого у меня намечается явно плохая наследственность.

После Харальда на нас обрушилась некая Лиза Топпер из Бердянска и очень долго у нас жила.

— Я же инвалид, — говорила тетя Лиза. — Меня в детстве уронили в колодезь. Я родилась, — она рассказывала, сидя около моей колыбели, — на острове

Бирючий. Остров, — объясняла Лиза бабушке и маме, — это когда вокруг море.

Маму повезли на паруснике в роддом. А ветра нет, июль, мертвый штиль, и парусник встал как вкопанный. Так я и родилась. Однажды мама пошла за водой и уронила меня в колодец. Мне спас жизнь крёстный. Он работал на маяке и оттуда увидел, что случилось...

Через пару недель к тётё Лизе приехал муж — крошечный курчавый Патрик. В день приезда он купил себе баян и всё время сидел на кухне — наигрывал на баяне, хотя первый раз держал его в руках. Просто по слуху подбирал какие-то грустные песни.

Родом он из Житомира, первая жена его была цыганка. Из хорошей интеллигентной семьи он ушёл за ней в табор. Кочевал. Но она ему изменила. И ребёночка они своего не уберегли. Патрик затосковал, покинул табор, поехал в Бердянск разгулять тоску и, конечно, женился на нашей Лизе, поскольку Лиза до конца дней своих была главной достопримечательностью этого города-курорта и от неё всегда исходил запах туберозы, оказывающей, как она считала, возбуждающее действие на мужчин.

На закате она в длинной юбке и белом атласном бюстгальтере с наброшенным на плечи красным газовым платком выходила из дома с фанерным стулом на улице за калитку «подышать». Платок был застегнут на груди на две пластмассовые белые бельевые прищепки. На свою золотисто-каштановую «бабетту» Лиза набекрень надевала сомбреро, ни дать ни взять бразильская королева самбы! Да еще с тростью, хромая, знойная, во дворе у неё бушуют страсти, все рассказы — на грани жизни и смерти, трость и страсть — в этом вся тётя Лиза Топпер, а теперь подождите минуту и дайте мне перевести дух, ибо за вышеописанными представителями клана Топперов хлынул такой поток, что эта картина со стороны скорее напоминала прощание с каким-нибудь почившим властителем дум, — так проходили они, склоняясь над колыбелью, люди великой судьбы, пытаясь угадать — плод ли это их уникального генеалогического древа, или просто моя мама Вася — обычная потаскушка, которая околпачила высокогородного Топпера, коварно взвалив на него отцовские обязательства, и теперь собирается заключить с ним поистине мorganатический брак.

Да-да-да! Поскольку самая младшая из семьи Топперов — божественная Диана — уже сделала ошибку, выйдя замуж за сына английской королевы принца Чарльза, хотя дедушка Соля прочил ей куда более блистательную партию.

Против Чарльза была настроена даже тётя Эмма.

—Чарльз — туня и мокрая курица, — говорила она. — Этот принц Чарльз, — она говорила, — в носу ковыряет постоянно!

И вот чем это закончилось. Англия плакала, когда её хоронили, хотя англичане известны своей сдержанностью, так провожали там, как нашу тётю Диану (из лиц, не принадлежавших по прямой линии королевс-

кой семье), только адмирала Нельсона, герцога Веллингтона и Уинстона Черчилля.

Лучше б она послушала тогда Соломона и вышла за Бусю Курочкина, язычника и собирателя русского фольклора, который жил на соседней даче в Загорянке и тысячу раз предлагал ей руку и сердце, он ходил за забором в вышитой шёлковой рубашке, в красных кожаных сапогах, как петух, и такое хорошее имел наше, открытое, русское лицо...

Тётё Эмме ведь тоже в свое время делал предложение рабби Менахем Мендл, а это вам не хухры-мухры! — и дедушка был не против. Но тетя Эмма решила не связывать свою судьбу с движением любавичских хасидов.

Вообще тётя Эмма всегда поступала так, как ей взбрендит. В молодости она ездила по Москве на большом трёхколесном велосипеде в клетчатой кепке и развозила почтовые переводы. Но у неё был бзик: она не могла довести до дому собственную зарплату. Стоило ей получить немного денег — она их мгновенно швыряла на ветер, что очень злило дедушку Солю, на руках у которого кроме тётя Эммы было еще семеро братьев и сестер.

Их отец Моисей — крупный карточный шулер из Бердянска, говорили, как выпьет, великолепно играл на опустошённом гранёном стакане «Неаполитанскую песенку» Чайковского. Моисей имел чисто еврейский вид, хотя по отцу он был итальянец. Мифы о его сексуальных подвигах затмевают древнегреческие сказания о сладострастных богах Олимпа.

Не выдержав муки ревности, его жена Марыся, оставив ему семерых детей, прыгнула с обрыва. Случилось это в конце октября прямо на глазах у Моисея, но был туман, погода ужасная стояла в Бердянске той осенью, ему показалось, Марыся как прыгнула — сразу растаяла в воздухе, и тела её почему-то потом не нашли, к тому же обрыв был совсем невысокий, а дедушка Соля, Марысин первенец, он её помнил немного, рассказывал, что Марыся была очень бойкая, певунья, ходила вечерами на танцы и за ней страстно ухаживал один молдаванин — в шляпе с маленькими полями, молдаване любят в шляпах ходить.

Дело получило широкую огласку. Скрываясь от правосудия, Моисей подался в Египет и восемь лет провёл в склепе. Потом его видели в пустыне с горсткой весьма подозрительных личностей еврейской национальности. Он шагал, опираясь на посох, в сандалиях на босу ногу по расклеванному песку, жёлтый, высохший, едва живой, изнывая от жажды. Все искал какую-то Обетованную Землю.

Слухи насчет Моисея не были проверены, однако дедушку Солю по этому поводу не раз вызывали в ГПУ и на всякий случай исключили из партии. Напрасно дедушка Соля тряс там своей медалью за храбрость, проявленную при совании дула в рот брату Савенкова, напрасно умоляя ясноглазого ГПУшника не верить злым наветам, но послать запрос в Египет и новости

справки насчёт его без вести пропавшего отца! И уж совсем напрасно в повышенных тонах и недозволённых выражениях в конце концов заявил о том, что они, Топперы, ещё не посрамили Земли Русской, а если вдруг случайно посрамили, то сын тут за отца не ответчик.

Сотрудник ГПУ по фамилии Молибога, «И.Г.Молибога» было написано у него на двери, велел дедушке Соле положить на стол партбилет.

Он плакал, когда его клал Молибоге на стол, а дома хотел застрелиться. Он вынул из комода свой парабеллум, вручённый самим товарищем Ворошиловым! взвел курок и приблизил к виску.

Но тут в комнату вбежала Эмма.

— Ни здарсьте вам, — дедушка Соля потом возмущался, — ни до свидания, ни «Соленька, брось парабеллум, это не игрушка!» — нет! Прямо с порога: «Соля! Убей меня! Я всю зарплату потратила на антикварную пепельницу в виде головы негра!»

— Ну посудите сами! — до глубокой старости восклицал Соля (а прожил он сто пятьдесят семь лет), когда рассказывал нам в сотый раз эту леденящую кровь историю, — мог ли я распрощаться с жизнью, не учинив Эмме славную головомойку?!

— Эмма, Эмма, — вскричал он тогда, швырнув на кровать парабеллум. — Как можно ветер иметь в голове в такой сложный исторический момент? Тебе же ни до кого нету дела! Что будет с Хоней, Джованни, Лизой, какая злосчастная судьба ожидает Боба, Изю и Диану, если, не дай Бог, со мной что-нибудь случится? Что они будут делать, Эмма, в этой проклятой жизни с твоей пепельницей, ведь у нас в семье, тьфу-тьфу-тьфу! никогда никто не курил, а есть постоянно хотят все и каждый!

Разлучившись с партбилетом, Соля сделал всё, чтобы не расстаться с парабеллумом. Когда ему велели сдать оружие, он наотрез отказался, ибо поклялся страшной клятвой самому товарищу Ворошилову, что лишь в неравной схватке у него сможет отнять его враг народа.

Соле намекнули, чтоб он не разводил демагогию и отдал парабеллум по-хорошему. А то будет хуже. «Подумаю», — сказал Соля. Как только за его гонителями закрылась дверь, он вышел в огород и закопал парабеллум под кустом картофеля.

На следующий день приехал сам И.Г.Молибога с ордером на арест, но Соле так повезло — он часом раньше был арестован местными властями за взяточничество.

— Меня бы обязательно посадили, — гордо говорил потом Соля, — если бы я уже в это время не сидел!

— А где оружие? — спросил И.Г.Молибога.

— Ищите! — ответила тетя Эмма.

Те всё перевернули вверх дном, но солиного парабеллума не нашли.

А впрочем, Соля до того надёжно припрятал свой парабеллум и так его старательно замаскировал, что как только опасность миновала, сам он его тоже не нашёл.

Соля плакал, когда перекопал весь огород, рыл под каждым кустом картофеля и просил древних богов, чтобы они превратили его пальцы в глаза.

— Если я потерял парабеллум — застрелюсь, — кричал Соля. — Не вынесу позора!

— Да плюнь ты на этот парабеллум! — сказала ему тетя Эмма.

Соля лег на диванчик, она его накрыла пледом, и он затаил, патриарх Люй Дун-бинь, один из восьми бессмертных, покровитель литературы и парикмахеров.

Как он любил её, он всё ей прощал! Потому что никто, как моя тётя Эмма, — боже мой! — я так скучаю сейчас о ней, никто и никогда в своей клетчатой кепке, заложив большой палец за пройму жилета и оттопырив мизинчик, не танцевал так «семь-сорок» на радость дедушке Соле, с таким огнём и таким азартом — пам-па-па-па-па-па-па-пам!.. А также никто и никогда — па-па-пам!

Па-па-пам!.. Не фаршировал столь виртуозно озёрную щуку! Па-ри-ра-ри-ра-ри-рам! Парирарирарирарам!.. Это был Моцарт, нет, Паганини фаршированной щуки. Чего бы я ни отдала сейчас, чтобы отведать хоть кусочек.

Послушай-ка, тетя Эмма, а может быть, ты отпросишься на часок? Скажи ему: Господи! Ты всемогущий, всеведущий и вездесущий! Что тебе стоит?

Ведь у нас с тобой впереди вечности! Не будь крохобором, дай часик — пофаршировать озёрную щуку...

Часика тебе, конечно, не хватит, форшмак — это долгая история. Тебя станут дёргать, торопить, белокрылые ангелы закружат над твоей головой. А ты отмахнёшься, все руки в рыбе, серебряные чешуйки на волосах, и скажешь сердито, как ты говорила с нами, когда мы мешались у тебя под ногами:

— Ну дайте же дофаршировать!!!

Потом все соберутся, заиграет музыка, ты снимешь фартук и ...па-ри-ра-ри-ра-ри-рам! Па-ри-ра-ри-ра-ри-рам!.. Кто тронет человека, когда он танцует «семь-сорок»? По крайней мере дождутся, пока он вспотевший, польхающий, упадёт в кресло и откинёт голову, блаженно прикрыв глаза. Тогда его можно тихо унести на небо, а все ещё долго будут думать: он просто устал и отдыхает. Вот так нас покинет однажды наша тётя Эмма.

Я перебираю осколки своего прошлого и вижу пропывающие надо мной лица — нет, это были не люди, а бессмертные боги, и я засыпала, убаюканная запахом айвы и их голосами, утопая во тьме, где время от времени вспыхивал огонь маяка, на котором работал крёстный Лизы Топпер, откуда он увидал, как она летит в колодец...

К чести Топперов надо сказать, не пришли на мои смотрины только те, кто сидел, например, в это время в тюрьме. Речь идет о достойнейшем дяде Джованни, названном так Моисеем в честь его итальянского предка с острова Сицилия.

Двадцать пять лет этот дядя Джованни верой и правдой трубил бухгалтером на чаеразвесочной фабрике «Красный коммунар». Когда пришло время отправляться на пенсию, вдруг он — по сути святой человек! — вздумал украсть немного чая — запастись на чёрную старость. Главное, ему только-только присвоили звание Ветерана труда.

Осуществил свой наивный замысел дядя Джованни весьма экстравагантным путём: до отказа набив чёрным чаем пустой прорезиненный комбинезон с капюшоном, он сбросил его с фабричной крыши. А тот повис на ветвях раскидистой липы. Сбежалась огромная толпа, вызвали скорую помощь, пожарные, милиция, дядя Джованни был тут же пойман, и когда его судили, прокурор так и норовил обвинить его в том, что он убил человека.

Не смог также прибыть Бобби Топпер — по очень уважительной причине: бедняга умер незадолго до моего рождения. Это был учёный, что называется, от Бога, феноменальной усидчивости, типа Менделеева, всю жизнь он посвятил работе над какой-то таблицей, не ел, не пил, не спал с женщинами, в конце концов составил её и умер. Эту таблицу ему положили в гроб и похоронили на Востряковском кладбище.

Зато как ни в чём не бывало, вполне в добром здравии, явился не запыхавшись Изя Топпер, хотя совсем недавно он чуть не отбросил коньки. У Изи был страшный, неизлечимый недуг, он стремительно угасал — все ожидали конца со дня на день и между собой ласково прозвали его «Изя — умирающий лебедь». Но к счастью, напоследок ему сказали, что у его жены роман с его лучшим другом.

— ЧТО?! — вскричал дядя Изя, вскочил и пошло-поехало.

У него был такой прилив энергии, и все очень боялись, что он убьёт друга, убьёт жену, убьёт тещу, убьёт детей, убьёт внуков, а сам после всего этого повесится, но Изя, побушевав час-другой, на всё наплевал и, тыфу-тыфу-тыфу, зажил припеваючи. Он просыпается с восходом солнца, гуляет в Ботаническом саду, обнимает дубы и берёзы, нюхает цветы, любит облаками, зимой собирается кататься на лыжах, а своим обидчикам — сколько раз увидит их — столько раз им презрительно говорит:

— Вы все против меня инфузории тифельки!

И вот когда Топперы уже были в сборе, смирил-таки гордыню и пришел, с тем чтобы вынести окончательный вердикт, хозяин преисподней сам царь Соломон. Народ расступился, конечно, а он — с царственной своею осанкой — встал в середине комнаты, распространяя запах тибетских благовоний, так, я теперь понимаю, пах в свое время «Тройной одеколон».

Тут из платяного шкафа, как все равно из чрева кита, вышел мой голый папа Миша, вынул меня из пелёнок, положил на ковер и лёг со мной рядом, прикрыв глаза.

Сначала никто не понял, что Миша этим хочет сказать, и вдруг все ахнули, постольку поскольку мы с Мишей были усыпаны родинками и веснушками, причём абсолютно в одних и тех же местах. Как две карты звёздного неба северного полушария.

Все онемели от этого поразительного сходства, и в наступившей тишине, глядя на нас с папой, распростертых перед ним, дедушка Соля произнес свою — ни к селу ни к городу — историческую фразу:

— Брови намечаются широченные!.. — сказал Соля, и моя участь была решена.

Тут все Топперы стали задирать рубашки, снимали брюки:

— И у меня тоже родинка в этом месте!..

— И у меня в этом!..

— Ой! И у тебя эта родинка есть?

— Левая подмышка?

— Есть!!!

— А между безымянным и мизинцем?

— Есть!!!

— А около пупка справа???

— Есть такое дело!!! — закричал муж тёти Лизы Патрик, спустив трусы.

Ну тут и его со мной вместе, заодно, неожиданно раздобрившись, приняли Топперы в свой неприступный клан.

Потом стали обниматься и танцевать, протанцевали до самой ночи. Потом посмотрели на небо, и им показалось, что звёзды на небе расположены точь-в-точь так же, как родинки на теле Топперов. Это подтвердило их подозрения насчёт того, что небо — тоже Топпер, их бессмертный и вечный родственник, который родил их и послал на Землю, чтоб они продолжали дело своего великого праотца.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МИША

Соля умер раннею весной, не дожив трёх лет до своего шестидесятилетия, события, которое Топперы Земли собирались праздновать на широкую ногу. Умер Соля в больнице старых большевиков, ископаемый марксист, ворошиловский стрелок, стойкий искровец, последний из Могикиан. В тот день дул очень сильный ветер. Но тёплый уже, весенний, уже побежали ручьи, хотя снег ещё покрывал асфальт, и всё кругом было бело-чёрным от берёз и проталин.

Перед тем, как уйти в больницу, откуда, он знал, ему уже не вернуться, всем внукам он послал букет чайных роз, зятёкам — по авоське огурцов, а всем правнукам — заводную железную дорогу.

Восьмого марта он позвонил невесткам, поздравил с женским днем.

— Я тут ухаживаю за медсёстрами, — шутил Соля. — Предпочтение тем, у кого партстажа больше!

Солю хоронили пышно, многие плакали. Он лежал в гробу весь в цветах в новеньком, с иголочки, костюме. Этот костюм Соля давно купил, но почему-то не надевал, жалел. Зато никак не могли подобрать приличествующее случаю бельё — в Солином шкафу вообще не оказалось тёмных трусов. Все — то в ромашку, то в одуванчик...

В крематории играл орган. Вокруг горящего жерла вулкана стояли горшки с геранью, снизу поднимался тёплый воздух, и листья герани шевелились. Воздух над Солей дрожал, и зачем-то горели, хотя было утро, толстые электрические свечи.

— Какого деда потеряли! — сказал, поднявшись на трибуну, старший сын Соли Фима. На этом торжественная часть была окончена.

Мой папа Миша стоял, положив Соле руку на голову, и плакал, как ребенок.

Солю накрыли крышкой. Женщина в форме, похожая на проводницу, стала молотком забивать гвозди. Заиграла музыка. Гроб стал опускаться. За окном ветер — бешеный! — раскачивал громадные ёлки. И гудение огня снизу.

(неокончено)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МОЙ НЕРОДНОЙ ДЯДЯ ВИТЯ И БАБОЧКИ

Юле Говоровой

Мне сегодня приснилось, что за мной гонится голова на ногах, а я от нее убегаю. Ноги у меня чугунные, я ими еле ворочаю, а эта голова такая прыткая — сама запыхалась, лоб у нее вспотел, уши пылают, однако вот-вот меня догонит, и я не знаю, что сделает.

Неизвестность в этом случае пугает больше всего. Что можно ожидать от головы на ногах: или оскорблений, или подскочит как-нибудь, извернётся и цапнет.

На свои ночные кошмары я, как писатель, возлагаю большие надежды. Иногда во сне мне являются гениальные фразы — ужасно глубокомысленные. Я их, не зажигая света, каракулями записываю в блокнот, который специально для этой цели храню под подушкой.

Однажды мне снилось, старательным детским почерком в разлинованной тетради кто-то медленно выводит:

«Так, давая всему уйти, чистыми руками трогаем Землю и всё что на ней».

Или снится, что я живу в коммуналке и вдруг среди ночи в коридоре громко зазвонил телефон. Я босиком бегу, хватаю трубку — я почему-то догадалась, что это мне, и услышала до боли знакомый хорошо поставленный голос артиста Левитана. Со своей легендарной артикуляцией и приподнятой торжественностью он произнёс мне прямо в ухо:

— Скоро я приеду и буду тебя трахать.

Лёвик не выносит, когда я рассказываю ему свои сны. Он говорит, что люди и так делятся друг с другом только своим бредом.

— Так какого чёрта, — кричит он мне с кухни, запекая в тостере бутербродики с сыром, — ты вываливаешь на меня с утра помои своего подсознания?

Лёвик мне рассказывал, что на Западе мужа специально нанимают женам психотерапевтов и те за большие деньги всё это выслушивают. Однако сам Лёвик признает тот факт, что Юнг и Фрейд передрались бы за такого пациента, как я, и порвали бы друг с другом намного раньше, чем они это сделали.

Странно, я, человек практически не знакомый с трудами ни того, ни другого, почему-то на всю жизнь запомнила, как именно расстались эти двое, Ученик и Учитель.

Они ехали в поезде. У Фрейда были проблемы, Юнг решил ему помочь и занялся с Фрейдом психоанализом. Но Фрейд наотрез отказался отвечать на некоторые вопросы.

Юнг страшно удивился и спросил:

— Почему?

— Это касается моей личной жизни, — ответил Фрейд, — я могу потерять авторитет.

— В таком случае, вы уже его потеряли, — сказал Юнг.

Рисунок Александра Данилова

И на мой взгляд, Карл Густав Юнг абсолютно прав. О каком, ёлки с палкой, авторитете может идти речь, если ты обратился за помощью к психоаналитику?! Одна только истина должна в этом случае тебя манить, одна лишь глубинная подоплёка твоих прибабасов.

У нас в поликлинике психотерапевт принимает — Анатолий Георгиевич Гусев, кандидат медицинских наук. Я к нему хожу, «когда едет крыша».

Едва завидя меня — впервые! — он сразу разложил перед собой девственно голубую «историю болезни» и спросил:

— На что жалуетесь?

— Я умираю от жажды, — ответила я не таясь.

— Чего же вы жаждете? — поинтересовался этот замечательный молодой человек с кайзеровскими усами, но лысый и очень скрупулёзный. Он взял ручку и приготовился занести **всё**, что я скажу, в мою медицинскую карту.

— Пишите, — сказала я, — доктор, я жажду любви. С нечеловеческой силой и тоскою я алчу любви, меня пожирает её холодное белое пламя.

— Бешенство матки? — участливо произнес Анатолий Георгиевич, доктор широкого профиля Толя Гусев, наверное, в школе товарищи его дразнили Гусь.

— Возможно, вы на правильном пути, — сказала я, — но меня больше беспокоит сердце. Я маньяк любви, это мой гашиш, мой план, моя марихуана. Я на игле любви. Сию секунду я влюблена смертельно и навеки в шестнадцать человек.

— «...шестнадцать человек», — записал Анатолий Георгиевич и поднял голову. — Так в чём загвоздка?

— Загвоздка в том, — говорю я, — что к этой чёртовой уйме людей (большинство из которых понятия не имеют о нашей с ними любовной связи), я имею скромное требование: непоколебимая, неукоснительная, незыблемая, неподвластная выветриванию, тленью, патологическая верность мне до гроба. Сколько это у меня отнимает энергии, доктор! И ревность — ревность моя двигает горами!

— Синдром «Отелло», — написал Гусев большими буквами в графе «диагноз». — У вас в роду этим кто-нибудь страдал?

— У нас в роду, — отвечала я, — Анатолий Георгиевич, если кто-нибудь и умер, он умер от любви. Мой дядя из Екатеринбурга, раньше этот город назывался Свердловск, до происхождения, о котором я намереваюсь вам поведать, был огромный свердловский дьявол, без устали воюющий с соседями и вдребезги разбивающий сердца. Он ел и пил, как полагаются, ругался, как гусар, занимался охотой, имел под Свердловском псарни и конюшни, такой жеребец беззбруйный, он мне неродной, его зовут Витя, так вот, он женат на моей родной тётке Кате, она медицинский работник, и с самого раннего детства у ней было прозвище Анаконда.

Однажды она застала дядю Витю с другой. Объятый сладострастьем, дядя Витя даже не заметил, как тётка Катя в своей неутешной скорби схватила кухонный нож — вниманье, доктор! — разум свой она затмила страстью дикой и... буквально с налёту что-то отрезала нашему дяде Вите. Признаться, я до сих пор не пойму, что именно у дяди Вити сочла тётка Катя возможным отрезать без видимого вреда. Сперва ей хотели вкатать срок, а смотря — Витя жив, здоров, соседи говорят, у него стал помягче характер, невооружённым глазом было заметно: он явно переменялся к лучшему — тогда тети Катино дело притормозили и вместо тюремного заключения дали «Заслуженного медицинского работника».

А тот, кто был виновен в распрях и раздорах, на повороте скорбного пути, — мой неродной дядя Витя, покончив с прежней жизнью, страстно увлёкся коллекционированием тропических бабочек. Он их покупал, выменивал, даже специально за бабочками отправился в турпоездку на остров Калимантан. Из этого путешествия дядя Витя привез пятьдесят шесть гусениц и положил их лежать в морозилку. То отмораживая, то вновь замораживая, Витя сначала ошуклил, а затем впервые в домашних условиях вывел редчайший вид бабочек «Голубая молния».

У неё такие мощные крылья, вы не представляете, в размахе тринадцать сантиметров! Её окраска, доктор, до того прекрасна, что у человека захватывает дух, когда он смотрит на её крылья даже в коллекции. А встреча с живой бабочкой — записывайте, Анатолий Георгиевич, записывайте — оставляет незабываемое впечатление — синей молнии. Причём цвет её крыльев меняется в зависимости от угла падения света: иногда она сине-зелёная, иногда ярко-синяя, сине-фиолетовая, фиолетовая, но всегда ослепляет своей красотой. И она ужасно стремительная.

Вжик! Вжик! — молниеносно — по Витиной малогабаритной квартире. Теперь тётка мучительно ревнует его к бабочкам. Он кормит гусеницу, а сам весь светится:

— Катя, Катя, — зовёт он, — смотри! Она кушает и растёт! Кушает и растёт!

Слава его прокатилась по всей планете. Иностраные энтомологические музеи борются, чтобы за свой счёт отправить Витю, кто — на Соломоновы острова на поиски неуловимой райской орнитоптеры викториа регес или острокрылых орнитоптеров, которых можно встретить лишь на сырых дорогах Суматры, Борнео или Малайского полуострова, кто — в девственные леса Камеруна за парусником — огромным, как ласточка, кто — в леса Бирмы, горы Бутана, в Китае, Армению и Палестину, на остров Целебес или за южноамериканскими длинноусыми особями Агриппы, сводящими с ума коллекционеров своим изменчивым отблеском.

— Их если пугнешь, — говорит Витя, — бабочки взлетают, как салют в Москве на Красной площади в День Победы.

А ночью тоже очень красиво.

Сумеречные бабочки днём прячутся в потаённых местах и дремлют, но лишь заходит солнце, они пробуждаются, глаза их, рассказывает Витя, начинают сверкать, Витя смеётся, рассказывает и смеётся, причём так весело, и пёстрых бабочек разноречивый хор клюёт золотые зерна из Витиных рук, зёрна золотой его печали.

Вы, Анатолий Георгиевич, умный образованный психиатр, вы хорошо знакомы с трудами Фрейда, Райха, Бертрана Рассела, Жан-Поля Сартра, Андре Бретона, потом этого... Бемэ, Иван Петрович Павлов вами проштудирован, но знаете ли вы, как мой дядя Витя ловит ночами бабочек на свет?

В джунглях на полянке он расставляет сети — мощный фонарь направляет на эту сетку, заметьте, а не какой-нибудь там карманный фонарик. И в сумраке тропической ночи под южными созвездиями, доктор, Вы знаете хотя б одно созвездье Юга? Какое? Южный Крест? Вот умница! К пылающему фонарю пусть не родного, не единокровного, но бесконечно дорогого дяди Вити, оскоплённого бедной Анакондой, тучами, вы слышите, тучами слетаются ночные бабочки. Ненужных Витя веником сметает с сетки, но они кружат упрямо над Витей, и сонмища новых бабочек ночных несутся на его зов из мглы Вселенной.

Он плачет, когда ему приходится — ну... Вы понимаете... ведь он коллекционер. А сохранить навеки можно только мёртвых бабочек, ибо всё, что мы хотим оставить у себя, всё, чем намерены обладать, мы должны умертвить, иначе не выйдет, согласны вы со мной или нет?

Хотя был такой случай: Вите в Свердловск позвонил его брат из Новокузнецка и сказал:

— Я пообещал, что у нас на Городской Ёлке будут летать живые бабочки.

Что делать? Слово надо держать. Витя вынул из холодильника своих любимых гусениц — он, правда, всех бабочек любит одинаково: ему каждая бабочка — будь то моль меховая, огнёвка мучная среднерусская или гороховая плодожорка — все приятны и радуют Витин глаз, но эти были уже окуклившиеся гусеницы редчайших бражника олеандрового и восхитительной «мёртвой головы», украшенной незатейливым орнаментом — черепом с костями.

Да так мой Витя точно все рассчитал, что к тому времени, когда он их посылкой доставил в Новокузнецк, они в эту минуту действительно превратились в бабочек. И на Главной Ёлке города Новокузнецка, по крыши занесённого снегом, — в тот год была очень снежная зима! — летали самые удивительные тропические бабочки Земли.

— А как у вас со стулом? — спросил тут Гусев Анатолий Георгиевич. — При вашем психическом отклонении главное, чтобы стул был чик-чирик.

Рисунок Александра Данилова

— Стул у меня чик-чирик, — я ответила. — Я даже вчера созвала своих близких подивиться его превосходному качеству и количеству. «Ты только взгляни, — орала я сыну, — это может стать удивлением всей твоей жизни!» «Лёвик! Ты, как фотограф, многое потеряешь, если не увидишь». Муж отказался, а сын посмотрел. И НЕ ПОЖАЛЕЛ ОБ ЭТОМ!!!!

— Мой вам совет, — сказал Анатолий Георгиевич, закрывая мою медицинскую карту, — возьмите дома тетрадь и записывайте свои мысли. Прямо с утра, как проснётесь. Вам это будет полезно. Вы сможете взглянуть со стороны на ваш — буду с вами откровенен — вышедший из берегов менталитет.

— Спасибо, доктор, — я сказала. — А как вы думаете — ничего, если на обложке этой тетради большими печатными буквами будет написано «Утопленник», а чуть ниже — «роман»?

— Это личное дело каждого больного, — ответил Гусев.

АЧИ. ЛОРД-ПИПЛ

«Всё это поля его любви, — думал я, — чего бояться?» На стене кухни было когда-то написано: «Все отбросы комнат и кухни просят бросать в мусоросжигатель, вдланный в плиту». Мы аккуратно приносили к мусоросжигателю пустые пачки из-под сигарет, кожуру мандаринов и шкурки семечек, но ничего такого не сжигали, а просто подвешивали гирлянды мусора между высохшими букетами. Сухие розы и маргаритки торчали повсюду мягкими венчиками, оттого все простые предметы имели оттенок печали погребения.

Пустота несла сама себя в бесполезных вещах нашего обихода. Что-то в первом припоминании — золотые струи того же мусора, необыкновенно душистые, с запахом долгих праздников, загораживали дверной проём между кухней и коридором, для тренировки свободного хождения сквозь стены. Но сквозь стены ходила одна лишь пёстрая кошка. И я хотел бы знать возможность, но не знал. Под утро выходили мы, и всё было опять по-другому — светлы снег и небо, а мы все отдельно и не опасны друг другу. То ли дело уговаривать Его: «Всё это поля Твоей любви, чего же мне бояться?» И сторонкой, сторонкой прочь.

Когда я был ещё маленький, к нам пришёл лорд-пипл. Мы немного играли в разные игры, и я всегда проигрывал, а он смотрел. «И вообще, от него одни несчастья», — говорила мне мама. А я не верил, потому что сразу с радостью уверовал в него и с тоской просыпался по утрам, потеряв за ночь всю накопленную вчерашнюю радость. Я часто забывал приносить в жертву новые сухие цветы, а мой мир вдруг сразу перестал кричать, но строго молчал, ожидая моего решения. Мы веселились в этом доме, пока весь мой смертельный страх не стёкся в один комочек на уровне желудка, и я остановился и увидел, что он смеётся. «Дьявол», — подумал я и зажмурился, мне стало страшно смотреть дальше. Я тогда ещё ни разу не видел, чтобы путь радости начинался со страха.

рисунки Елены Мальцевой

ДОМАШНИЕ ЛЮБИМЦЫ

СОБАКИ

Отвратительные, дурно пахнущие, цокающие когтями твари. Когда приходишь домой, огромная туша с разъявленной пастью бросается на тебя, удобно пристраивает лапы у тебя на груди и пытается облизывать тебя розово шершавым языком. Чужие собаки громко лают под окнами, своя норовит им ответить — именно в те часы, когда твой предутренний сон наиболее сладок и крепок. Маленькие шавки особенно пакостны — лай у них визгливый, с подвывами и срывом в вой; если большие гавкают степенно, с раздражающим достоинством, то карлики, мелко семеня тоненькими ножонками, обегают тебя по кругу, норовят цапнуть за каблук — выше просто не могут достать — и больше похожи на крыс, что само по себе противно.

КОШКИ

Лицемерные, желтоглазые, похотливые, душу готовые продать за кусок колбасы подлизы. Вечно путаются под ногами, особенно когда ты, встав затемно, рассылая проклятия мироустройству, в котором тебе приходится ходить на работу, пробираться на кухню, не включая света, чтобы не разбудить семейство. Надсадно орут под окнами весной, как, впрочем, и в любое другое время года. Настолько ловки и гибки, что становится стыдно за свою неуклюжесть. Лезут шерстью всегда, преимущественно на новые брюки. Обожают играть забытыми на полу погремушками с двух до трех часов ночи. Едят, опять-таки, по ночам, со стола на кухне, если что-то найдут. Если не найдут, всё равно гуляют по столу.

КАНАРЕЙКИ

Летучая мелочь, норовящая при малейшей возможности вылететь из клетки. Жизнерадостное щебетание в сочетании с болезненной расцветкой особенно отвратительны с утра в будни, в праздники же — постоянно. Голосистые трели с успехом имитируют паразитные шумы в водопроводе. Очень любят болеть и сидят нахохлившись. При полном незнании канареечьей медицины появляется желание придушить, чтоб не мучились. Тупо кокетливы, что при полном отсутствии мозгов могло бы быть привлекательным, если бы не выражение «но зато какой голос!», не пропадающее с того, что у канарейки можно назвать лицом.

ЧЕРЕПАХИ

Тупые, медленные, тугодумные гады с выражением вселенской мудрости на морщинистых мордах. При одном взгляде на их отягощённое передвижение становится тошно, и появляется сомнение, стоит ли так торопиться жить и спешить чувствовать. При этом самодовольство этих медуз в скорлупе таково, что они умудряются смотреть свысока даже при своем росте. Понять раз и навсегда, что черепахе ничего не будет, если случайно на нее наступить, невозможно. Не наступить на это тоже невозможно, поскольку они имеют дурную привычку вылезать на середину комнаты. Другая дурная привычка — заползть под диван и оставаться жить там. Через несколько дней исчезновения любимца в доме прочно воцаряется истерическая атмосфера, в которой каждый уверен в том, что любимое блюдо всей семьи, кроме него самого, — черепаховый суп.

ГРЫЗУНЫ

Хомяки, крысы, мыши, морские свинки. Грызут все, что можно и нельзя. Имеют глаза алкоголиков — пустые и незамысловатые, мутно поблескивающие. Жизнедеятельность характеризуется громким хрупом, непристойностью оголенных хвостов, если таковые имеются, истерическим мельтешением лапок, издевательски напоминающих руки человека, судорожными подёргиваниями носа и выражением полного идиотизма на снарядообразных мордах. Как и черепахи, имеют дурную привычку теряться в самый неподходящий момент и в самых неподходящих местах. Гадят где ни попадя.

ОБЕЗЬЯНЫ

Наихудшие из всех домашних животных. Чем ближе к оригиналу, тем отвратительнее копия. До ужаса похожи на людей, при этом вонючи и любвеобильны, как собаки, унижающе ловки, как кошки, свободолюбивы и при освобождении раздражающе веселы, как канарейки, исчезающе неуловимы, как черепахи, истерически быстры, как мыши. В общем, их не зря ненавидели инквизиторы и привечали ведьмы. Мерзкие создания.

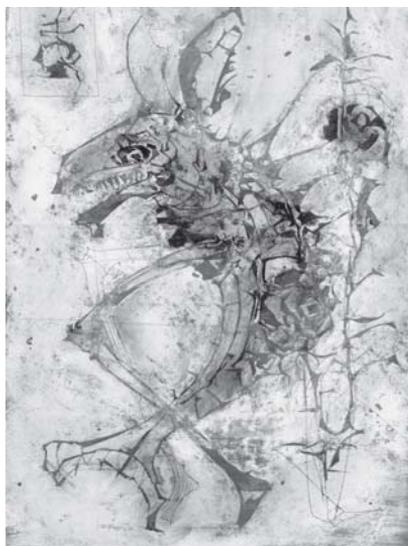
...господи, какой же я злой!..

рисунок Шамиля Валеева

Николай ГНЕТНЕВ

Татьяна ГОЛИКОВА

КАТАЛОГ
ОБИТАТЕЛЕЙ
ПОПЕРЕЧНОГО
МИРА

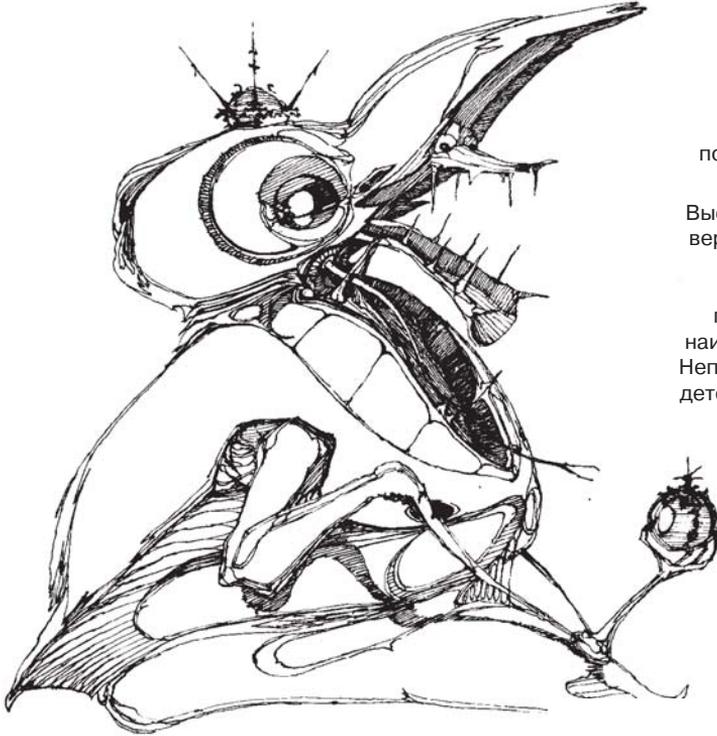

рисунки Николая Гнетнева

1. REX CORONARIUS ETS

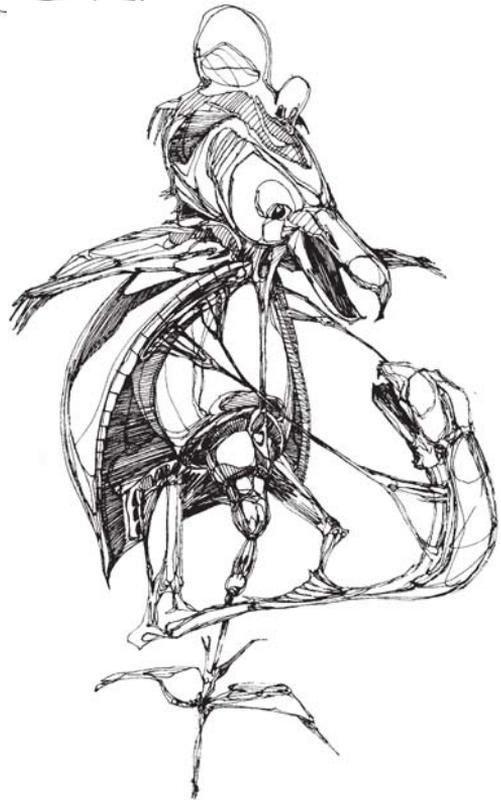
Отец-мать, единственный производитель биоценоза, осуществляет видовой искусственный отбор живущих поперёк. Жизненный цикл имеет форму бесконечной дуги.

Высоко подпрыгивая и находясь в верхней точке траектории, глядит себе внутрь и конструирует варианты потенциального генофонда популяций, отбирая наиболее аккомодабельные типы. Непрошедшие отбор переходят из детородных органов в едабельную полость.

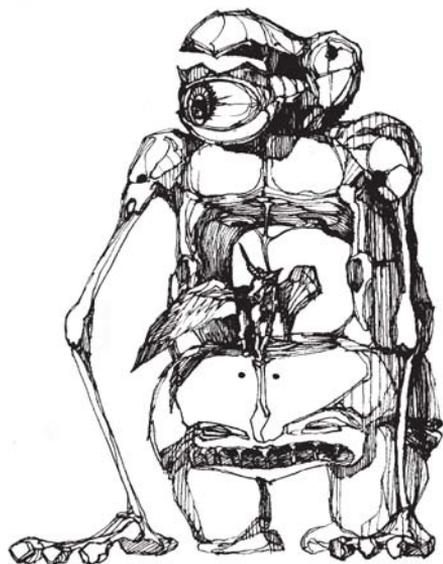
2. ASPARAGUS PLUMOSUS.

На иллюстрации представляется один из конечных вариантов плодоношения тератогенного кустарника ASPARAGUS PLUMOSUS. Мы видим фитобластулу с двудольным фруктом, каждая из долей которого представляет собой отдельный организм. В процессе онтогенеза они проходят через стадии симбиоза, синойкии, политического противостояния и полного антагонизма. Выживает ранее созревшая доля.

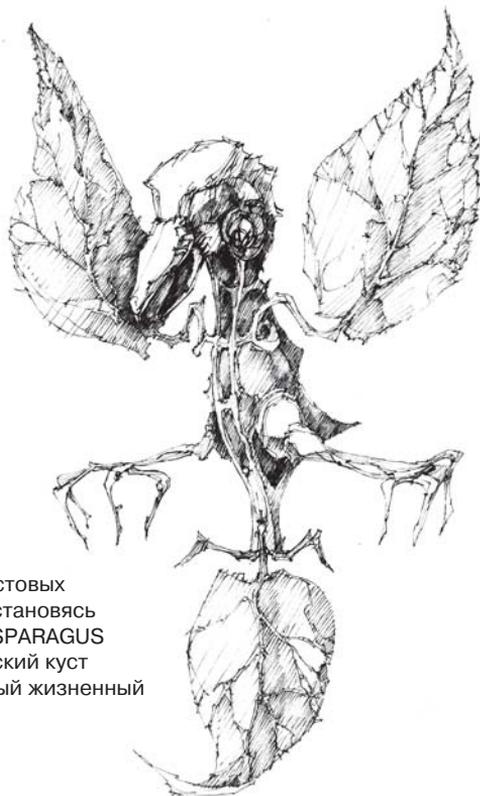
3. ARAXNOMOBIL

Плотоядный хищник, один из наиболее высокоорганизованных представителей данного биоценоза. Действует по договоренности с INSECTUM, который служит, во-первых, гироскопом на малых скоростях, во-вторых, является орудием захвата во время охоты. Используя заключенный контракт в качестве митозной сети, INSECTUM опутывает жертву и деморализует её своим пагубным воздействием.

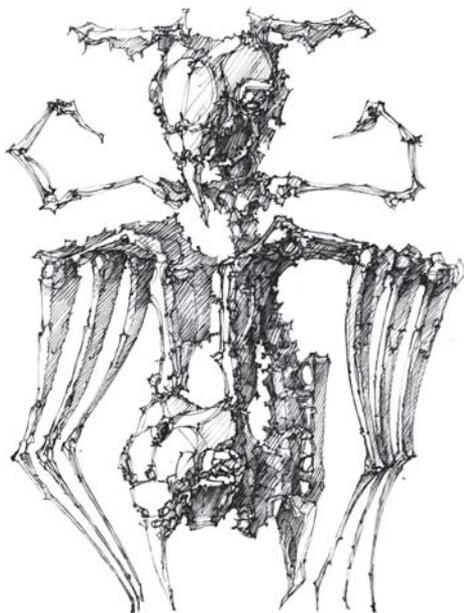
4. RETINOFAUX.

Гетеротроф, нижнее ротовое отверстие приспособлено к поглощению растительной пищи, верхнее — плотоядное. Срединный сегмент есть автономная приманка для существ, использующих ямб и амфибрахий, каковые являются наиболее вкусной и питательной пищей для RETINOFAUX. Похожее на глаз устройство слежения воздействует на жертв гипнотическим образом, что позволяет RETINOFAUX спокойно дегустировать их.

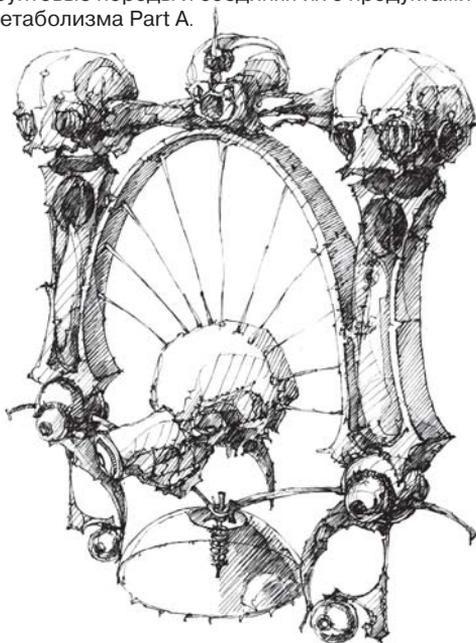
5. AVIS TRIFOLIATA.

Существует как конечный продукт трансформации листовых пластинок TRADESKANCI XTON, которые, созревая и становясь самостоятельными особями, заключают контракт с ASPARAGUS PLUMOSUS на период дождей. Подпитывая родительский куст органикой, AVIS TRIFOLIATA обеспечивают собственный жизненный цикл необходимыми минеральными веществами.

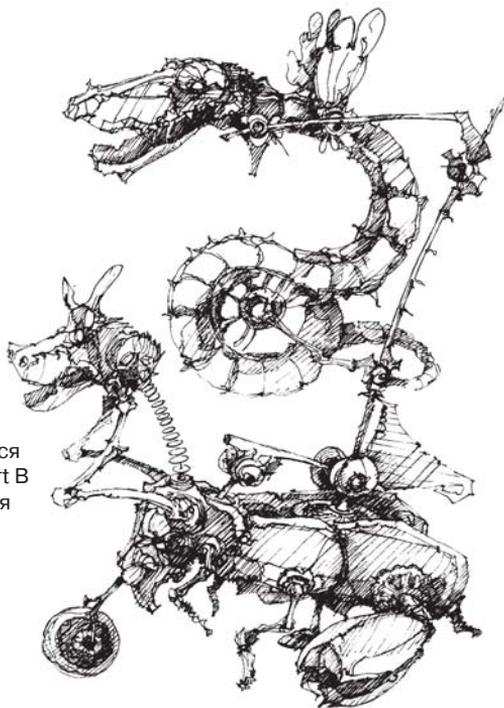
7. IMPATIENS HUDRANGEA. (т.н. двухполостный аквавылазер)

Удачный симбионт мелководного и аэробного организмов. Part A [верх] — охотник, отдаляющийся от базовой части на расстояние не более 15 м. Part B [низ] укрепляет береговую линию, перерабатывая грунтовые породы и соединяя их с продуктами метаболизма Part A.

6. HAEMOFIL POLIAKRONUS.

Паразитирующее насекомое, выживает за счёт высокой скорости передвижения в местности со сложным рельефом. Настигая жертву, зондирует головной мозг и спинномозговой отдел. Подключившись таким образом к двигательным функциям, вынуждает последнего производить социально опасные действия. Минерализованные останки используются другими видами для строительства дорог.

8. POLIDOKUS.

Не являясь порождением REX CORONARIUS ETS, связан с ним сложными родственными отношениями, определяемыми как «дядя». Перемещается при помощи ARAXNOMOBIL.

В стационарном состоянии, благодаря способности воспринимать и генерировать колебания в диапазонах от 1 до 7 Гц и от 80 до 100 МГц, служит узлом сети, контролирующей направление развития (т.н. «угол волюции») видов. В свободное время занимается поглощением кротов и других геобионтов.

НОВОСТИ

НОВОСТИ

«Дирижабль» возник в 1990 году в Нижнем Новгороде как объединение молодых литераторов и художников-графиков из Нижнего Новгорода, Москвы и Санкт-Петербурга.

Девиз альманаха «...неспешно двигаясь в струях прозрачного воздуха», появившийся на титульном листе первого номера, говорит о том, что редакция, не касаясь вопросов политики, экономики и социологии, намерена отводить страницы издания для свободного творчества, не ограничиваясь в то же время рамками конкретного направления или стиля.

В настоящее время вокруг журнала образовался (постоянно расширяющийся) круг, а точнее эллипсоид (или пузырь) единомышленников, через общение расширяющих собственное творческое пространство и формирующих, таким образом, некую общую метафизическую территорию.

Редакции кажется, что несмотря на различие материала по жанру и технике, в публикуемых произведениях есть то, что позволяет говорить о концепции.

Тема Дирижабля, раскрываемая авторами как:

а) свободное и, отчасти, непредсказуемое автономное движение в инородной среде

б) оболочка, позволяющая с одной стороны отделить собственную область, а с другой стороны абсорбировать требуемое снаружи

в) метафизический прорыв пространства — подобно тому, как дырка в плоскости выводит в пространство, трехмерная полость Дирижабля выводит в четвертое измерение,

порождает у авторов многочисленные ассоциации и, более того, предоставляет им новую конфигурацию методов художественного познания Мира.

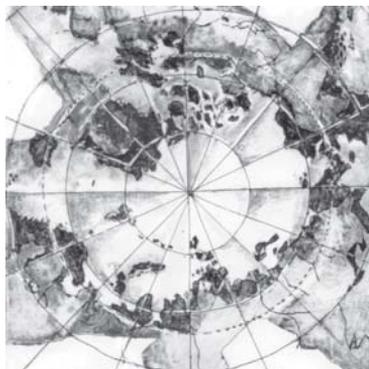
Не ограничиваясь объемом альманаха, редакция выпустила в свет шесть литературных приложений, провела несколько семинаров; визуальным приложением явились несколько проведенных в Нижнем Новгороде, Москве, Санкт-Петербурге, Долгопрудном, Звездном, Красногорске, Великих Луках выставок.

ЕВГЕНИЙ
СТРЕЛКОВ

ВОЗДУШНАЯ
АРКТИКА

М О Н О Л О Г И

Вот карта—на её листах
мир в треугольных лоскутах
Но трасса твоего пути
поможет их переплести
И навигатора мечты:
увидеть полюс с высоты
Его желание — полёт
Его удел — небесный лёд.

н а в и г а т о р

Сами стены здесь зовут в воздух. Пожарные лестницы на слепых — без окон — торцах пятиэтажных домов обрываются в небо, и во рту появляется металлический привкус, когда, сидя во дворе на бортике песочницы, вглядываешься в ненадёжные ограждения шиферной высоты: в мыслях пальцы сжимают стальные трубки мостика воздушного корабля...

Я поселился на пятом этаже и привыкаю к высоте полёта, держась за балконные поручни. В окно видны две полосатые трубы, из которых идёт белый дым, и если сесть на пол так, что подоконник закроет шиферные крыши, окна с занавесками и без, верхушки деревьев и столбов, сами деревья, железные гаражи и мусорные ящики, то кажется: на горизонте двухтрубный крейсер отправился в полярную экспедицию...

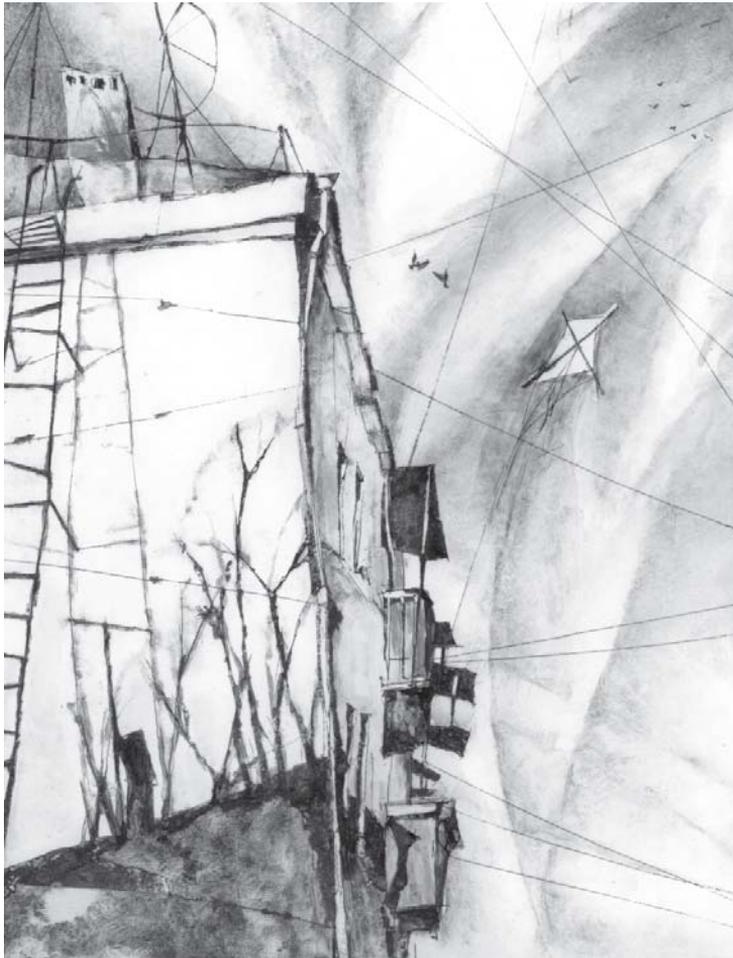

м а л ь ч и к

Что ты увидел там?
Соседскую рыжую кошку?
Гнездо ласточек?
Воздушного змея, запутавшегося в проводах электросети?

Или ты тоже заметил: вон там, в слуховом окне, так нежно отражающем небо этого весеннего дня — стекло разбито ловким щелчком рогатки. От маленькой дырки во все стороны трещины. Напоминает карту Северного полюса... А если прищурить глаза июльским вечером, когда розовые стены домов пропадают на фоне закатного неба, ясно видишь верёвочные лестницы невидимых аэростатов...

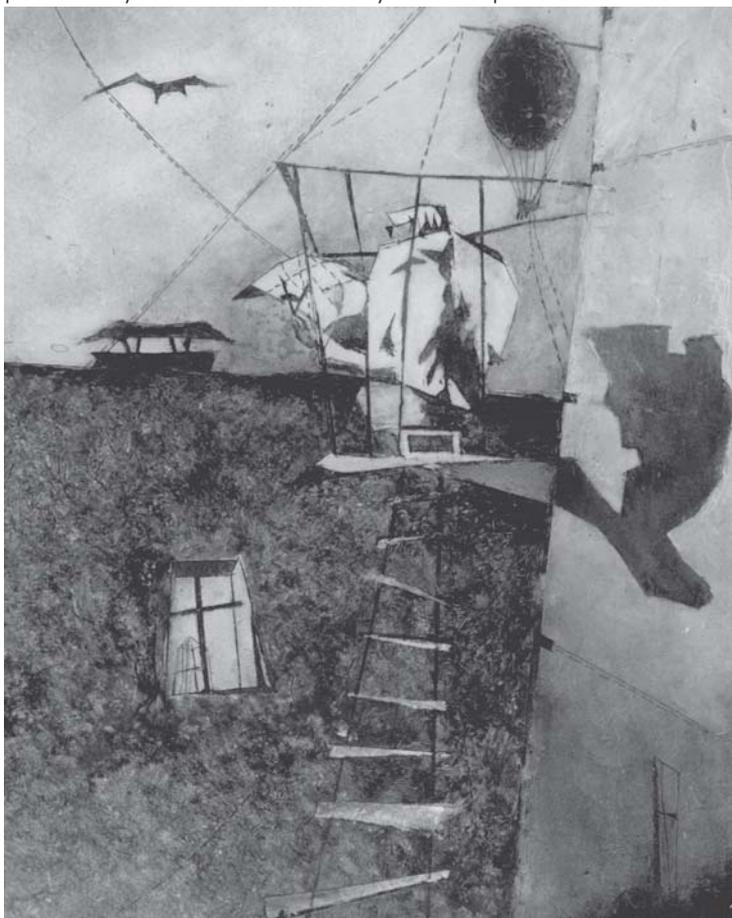
Я строю макеты воздушных кораблей из кальки, фольги, ниток и тонких щепок. Я читаю книги о воздушной навигации, а Школьный Учитель рассказывает о движении воздушных масс в высоких широтах.

ш к о л ь н ы й у ч и т е л ь

Я вспоминаю человека в вашем возрасте лет тридцать назад. Он собирался на Север, но Любовь помешала ему — он стал учителем в средней школе, а по вечерам составлял карту приполярных воздушных течений, разглядывая дым, идущий из высокой трубы школьной котельной. Поздние вечера он проводил за беседами в доме истопника. Пыльные шарообразные школьные абажуры освещали матовым светом лестничные пролёты, так что в сырую погоду создавалось впечатление подводного существования; в ветреную же погоду скрипели деревянные балки и разошедшиеся стропила, выли тросы растяжек котельной и леера ограждений, стонали водосточные трубы — музыка метафизической осени...

Свои наблюдения Школьный Учитель заносил в журнал. Его «Дымная роза ветров» заполнена такими словами: «...весенние дымы — как белые журавли; они парят высоко и привольно; осенние дымы — как рябь на глади вод; зимние дымы — словно размывы туши и своей толстой вуалью покрывают всё небо...»

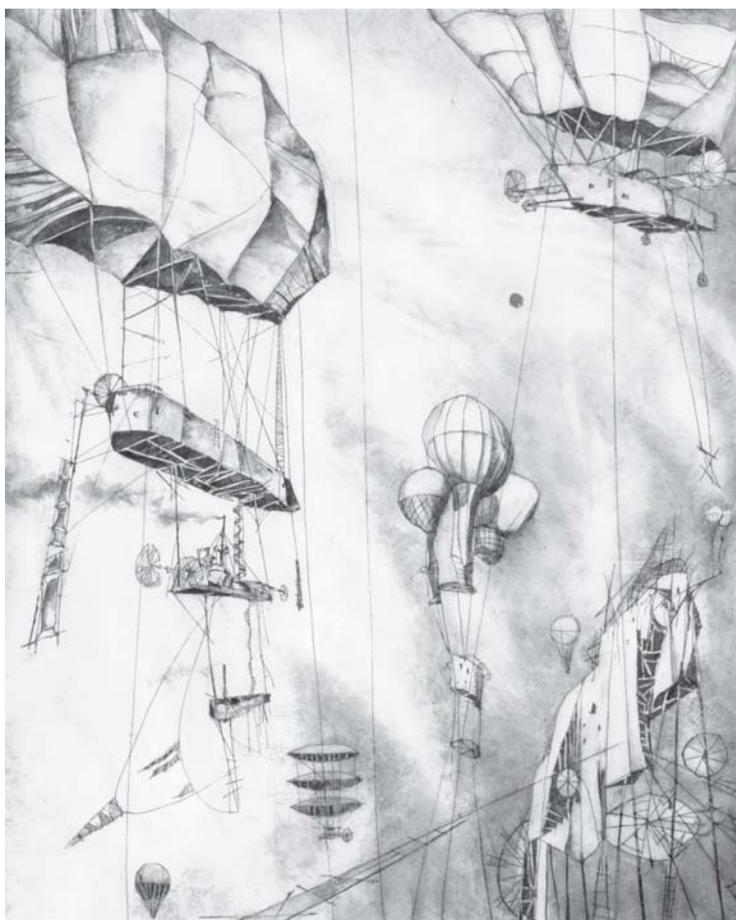

И С Т О П Н И К

Дом устроен непросто. Наверх ведёт длинная винтовая лестница, порой трубой исчезая в стенах, порой повисая в воздухе; медные трубы различного назначения пронизывают здание и осуществляют: одни отопление; другие — циркуляцию воздуха — чтобы доносить в подвалы озон грозового неба. На самом вер-ху дома, на чердаке, за обитой войлоком дверью — зимняя кухня.

Через тусклые окна ничего не видно; чугунная печь, на ней таз с замёрзшей водой; паутина в углах, на полу мумии ос, на дне стака-на чай, превратившийся в труху, — тут никого не бывает всю зиму.

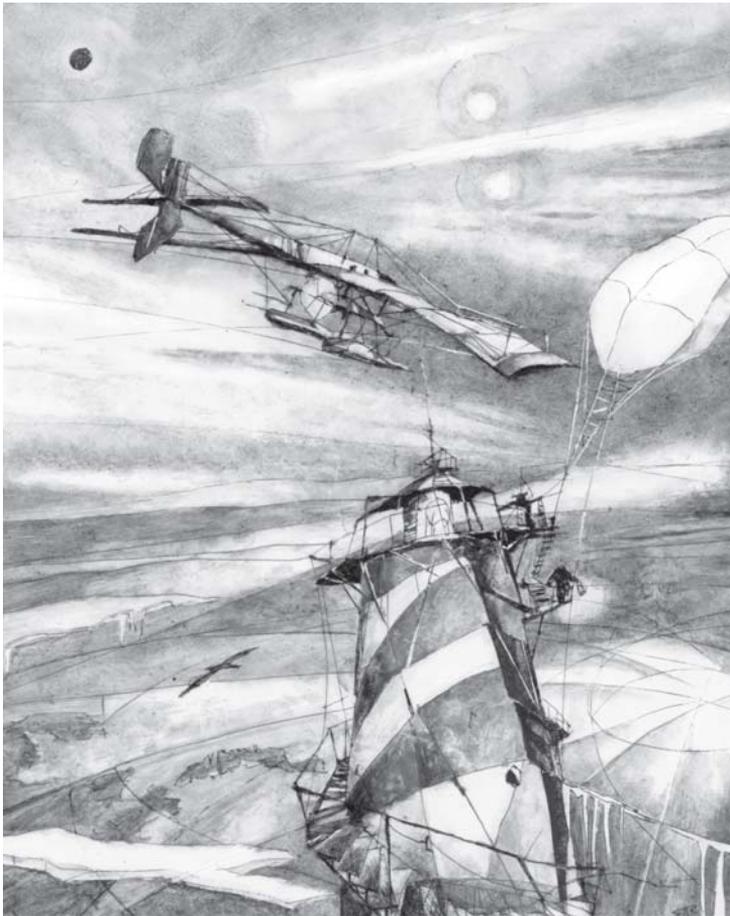
Но когда день становится длиннее ночи, я прихожу сюда, затапливаю печь и открываю окна; оттаивает вода в тазу, и на-греваются стены; тёплый воздух кухни подхватывается мериди-альными потоками — и спустя месяцы, где-то там, на севере, на-чинает крошиться лёд, освобождая морские и воздушные суда из долгого зимнего плена... и навигаторам чудится в весеннем ветре запах дыма...

д р у г д е т с т в а

Не обязательно совершать перемещения наяву. Путешествие во снах — такое же путешествие. И если вечером выпить несколько рюмок ликёра, настоящего на перепонках летающих ящериц Мадагаскара, — вероятность ночного путешествия велика. Но дальний путь трудно пройти за один сон, потому самое главное — не забыть, где остановился прошлой ночью. Тут помогут вешки, расставляемые во сне и проверяемые утром... Проснувшись, не открывай глаз, а крепче сожми веки — на миг ты увидишь звёздную карту на глазных полушариях — запомни её. И веди дневник, не включая света: ничего, что утром ты не разберёшься в значках ночи, — много ли ты понимаешь в знаках, даваемых Светом... Иные же кладут на лицо влажную папиросную бумагу; морщины, появившиеся на ней утром — следы твоих ночных усилий.

Но важно не только уйти, важно ещё и вернуться. Однообразие ледяных равнин под тобою притупит память, северные ветры рассеют дымы времени, тогда напрасно ты будешь вглядываться в белую тьму в поисках обратной дороги...

в о з л ю б л е н н а я

Ты действительно собираешься туда?

навигатор кивает, глядя на предметы, висящие в воздухе: на дым, на луну, на птиц.

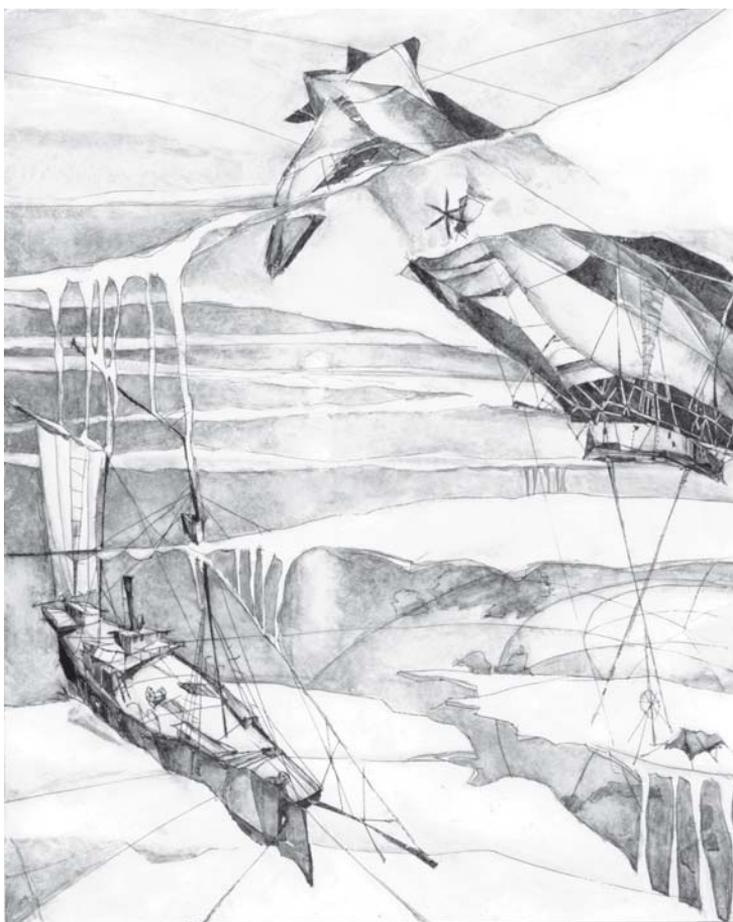
Жаль, я не смогу быть с тобой там...

Жаль, ты не можешь быть со мной здесь.

Но мы смогли бы отправиться вместе по реке... Я смотрела на карту рек — их течение так же прихотливо, как и движение воздушного судна в ветрах высоких широт. Ночные огни прибрежных городов напоминают полярное сияние, шлюзы подобны воздушным ямам, а триангляционные знаки на речных берегах точно такие же, как на камнях Югорского шара...

Навигатор молчит. Он неотрывно смотрит в окно, где на узком прямоугольнике между домами маленький мальчик на лыжах завершает очередной круг. На снегу фиолетовые всполохи от неисправной буквы «а» в световой надписи «гастроном». На торцевой стене хлебного магазина дрожащие изображения северного полюса и силуэта самолёта АНТ-25. Транслируемые в треске и шипении по сети громкого вещания праздничные поздравления кажутся принятыми переносной радиостанцией.

Навигатор замечает, что он в комнате один...

н а в и г а т о р

читает книгу

«...опасности, могущие встретиться в пути: стаи перелётных птиц, такие огромные, что исчезает горизонт, а магнитный компас сбивается от бешеной циркуляции крови в тысячах крохотных роторах птичьих сердец.; перепады давления, вызывающие боль в висках и безразличие к цели...»

перелистывает несколько страниц

«вещи, которые следует взять в дорогу:
клетку с почтовыми голубями,
сигнальные ракеты и радиовымпелы...»

перелистывает ещё несколько страниц

«наблюдение воздушных объектов требует бдительности — нужно следить за флагами и шарами на смотровых вышках, за сигнальными дымами и воздушными змеями, за полётом птиц и летучих рыб...»

Навигатор подходит к окну и говорит, обращаясь к отсутствующим собеседникам (мальчику, школьному учителю, истопнику, другу детства, возлюбленной):

...мне кажется, близится день,
когда глубокая тень
дирижабля упадёт на соседние крыши...
ветер пропеллеров снесёт с земли картонный мусор...
стёкла задрожат от трубного воя моторов...
тёмная громада корабля закроет солнце,
и к моим ногам (со стуком детских барабанных палочек
пионерского лагеря, с хрустом сучьев в лесу рядом с нашей
дачей, с треском выстрелов в школьном тире) упадёт верёвочная
лестница — неизбежное приглашение в Воздушную Арктику.

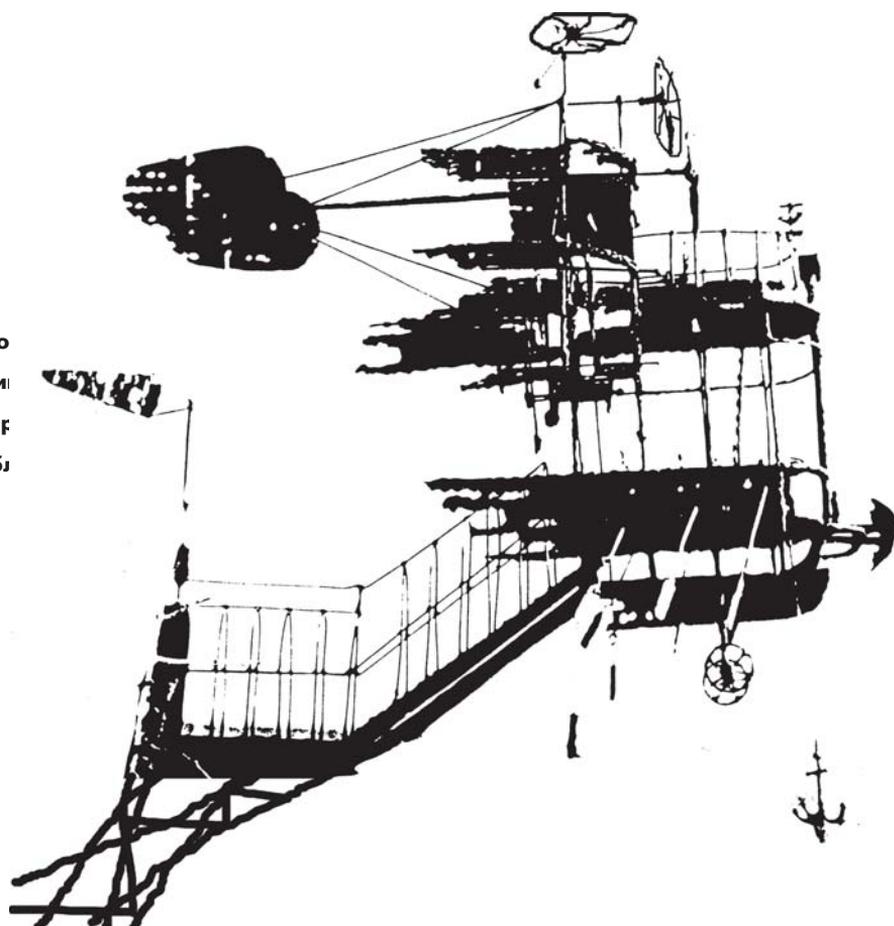

ВЕСЕ

МИС

Место

берег реки Про
деревня Драки
Серпуховский р
Московская обл

СО-БЫТИЕ

выставка-акция «проекция неба»

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ ВРЕМЕНИ

что такое проекция неба?

солнечное сплетение

сквозной образ

иллюминатор воздушного судна

слуховое окно облака

колесо обозрения

паутина времени...

и почти всё воКРУГ

1 мая 1997
конец XX столетия

в экспозиции работы: Андрея Волкова, Ирины Скворцовой, Вячеслава Мазурова, Андрея и Евгения Стрелковых, Михаила Погарского, Николая Гнетнева, Игоря Бобенко

На самом юру, над очень быстрой в этом месте подмосковной речкой Протвой на окраине деревни Дракино, руками местного газо-электросварщика Андрея создан необычный в худ.-тех. смысле летательный аппарат для путешествий в как-раз-тот-самый-момент-бытия-пока-Вы-в-нём-находитесь... — ещё... Быть может, кто-то назовёт его духовным колодцем, в который предлагается прыгнуть вниз головой, предварительно привязавшись взглядом к столь милым для русского сердца видам *расстеленных вдаль равнин*...

Кому-то это покажется реминисценцией, неким памятником сталкерам 60-х, что подались по-тарковски в дзешние промзоны — в поисках ещё не запрещённых площадок прямой связи с чем-то неведомым, но обязательно — неземным...

Человек так устроен. Ему непременно надо, чтобы **это** было можно пощупать... Ещё лучше — чтоб посидеть. Покачаться... Совсем предел, чтоб — *полетать* ещё...

Хорошо, что нашёлся такой... местный Андрей, который и сварил, как раз из железных конструкций, настоящий «Трамвайчик», специально приспособленный для таких дел...

Несоразмерность объёмов впечатляет, но не создаёт неудобств. Зыбкость бытия жёстко очерчена. Иллюзорная шаткость — вдруг рождает мир и покой в неожиданно *присмирившей* душе. Приготовьтесь... — **ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЦУНАМИ ВРЕМЕНИ**...

Но — не пугайтесь... Ваша обычная жизнь от этого не изменится. Всё будет идти своим чередом. Изменения будут **ТЕЧЬ** (как им и положено)... Останется уйма времени, чтобы спокойно дожить старость, по нянчить внуков... Быть может, лишь *(чуть)* **внимательнее** придётся теперь следить за Моментами своего проживания... Но ведь — **ЗА ВСЁ НУЖНО ПЛАТИТЬ**...

Утомлённый бессмысленностью [и — всем неприличием] своего бренного существования, за которое (к тому же!) приходится **сплюнить** столь непомерную, по нынешним меркам, цену, человек в отчаянии решается на попытку смяться хотя бы на миг, в это самое, убийственное, **МГНОВЕНИЕ** бытия... Зависнуть, как... задержать дыхание...

В то время, как Футурологи и Историки расчертили наше будущее и прошлое вдоль и поперёк, нам только и осталось, что **УЛОВИТЬ МОМЕНТ**, над которым не имеют ещё-пока **ВЛАСТИ** ни те, ни — другие...

Он... построил площадку для художественно-эстетических полётов над рекой **ВРЕМЕНИ** (кто его осудит, что он захотел иметь это нужное место у себя на заднем дворе?..) и... — готов предоставить его Вам... Пользуйтесь!.. Пользуйте душу — наедине со **средне-русски возвышенным** собой... Пользуйте дыхание — благо, перехватит его Вам, и вдруг, как когда-то [и с каждым] бывает, навернётся влага на глаза, замутит и прояснит взор...

Вы будете что-то говорить, говорить, смеяться... Но это будет уже совсем неважным... Да и — к чему перегружать сознание ещё большим грехом искажения того неизъяснимого, что начинается происходить между Вами и... Самим Собой — в этом бесстрашно распахнутом, расхристанном месте... над быстринной мельничной воды, над пролетающим внизу ландшафтом с его неизменными очертаниями *приостановленного* для Вас в эту минуту *Времени*...

Как любое культовое место, этот художественный символ прощания с отбывающим ВЕКОМ несёт в себе глубоко органичную соседствующему с ним ПРОСТРАНСТВУ ритуальную канву деревенских традиций...

Прежде чем пройти ТРАНС-ФОРМАЦИЮ, возможно, Вам предложат выпить стопочку чего-нибудь крепкого; однако уж коль Вы непьющий, предложат пройти — протиснуться — наощупь, осторожно на...шаркивая непрочные рёбра железок — с завязанными — в шарфик — глазами... а может, Вам накинута на голову безглазый колпак... нет, специально заготовленный мешок приговорённого к ГИЛЬОТИНЕ...

НО ЭТО и в самом деле совсем — без-различно, ведь каждый прибегает к своим уловкам исхитрённого жизнью сознания... ИЛИ у Вас есть рецепт на все случаи жизни?..

Давайте (просто) про-живём этот МИГ, который, опять-таки, нам — выпал... Оставьте свои заботы — на входе! У «трамвайчика» нет багажного отделения... придётся путешествовать на-лег-ке.

И вот — Вы в само-лёте... в истинном значении этого слова... Конструкция будет слегка пошатываться и крениться от движений Ваших мыслей (или — ног?..). И движений тех людей, которые случайно оказались с Вами рядом в это раз... В этом моменте, в этом Времени, в этой Жизни на Земле... Но — Зыбкость... совсем не для того, чтобы Вы остро испытали ответственность за тех, кто может раскатать вашу общую в этот момент Лодку... С Вами собрались те, с кем Вам выпало лететь... И если Вам захочется кричать или — растущий и распирающий Вас восторг неожиданно взорвётся в Вашей душе внезапным криком отчаяния и боли... Не пугайтесь... Это всего лишь один большой БУЛЬК... того болота, в котором Вы находились всю свою жизнь... Он стал таким большим и страшным просто оттого, что Вы сосредоточились на нём... Поверьте, — в обычной жизни мы это «бульканье» даже не замечаем... Напротив, оно нам даже щекочет нервы... Просто тянет иногда выпить чуть больше — и всё... Но — с кем не бывает?..

Этот росчерк металла на земле — кто ответит — ЗАЧЕМ ?..

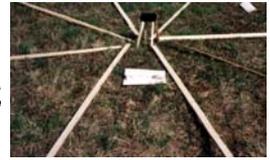
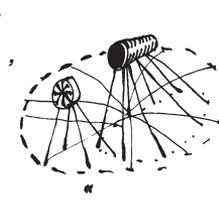
Переполненный впечатлениями уезжаешь отсюда с пустотой и странным звуком ирреального посвиста ветра в ржавых конструкциях транспортного чрева, в котором так и не удалось уловить МОМЕНТ... Быть может в другой раз — повезёт ?..

Впрочем — никто ещё ничего не сказал по этому поводу... Так что — не будем торопить события...

«) — » (.
» (.) —

« » :
« - - » .

« » —

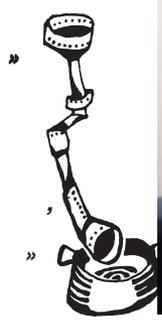
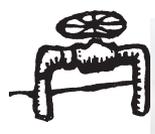

« » ,

— « »
 ,
 —
 ,
 — «
 ,
 ,
 .
 ,

 ,
 «
 ,
 ,

« »
 ,

 —
 — «
 » —
 ® —

« »
 ,

ВЫСТАВКА - ФЕСТИВАЛЬ «ПРОЕКЦИЯ НЕБА»

ПРОЕКТ

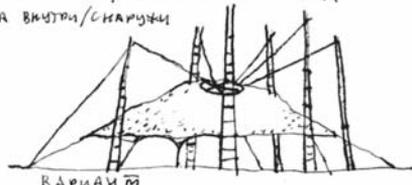
МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: Устье Протвы (под Москвой)

ОРГАНИЗАТОРЫ: Концерн «Бизнес-Связь»
Фонд «Дирижабль»

КУРАТОРЫ: Евгений Стрелков
Михаил Позарский
Юрий Ботвинб.

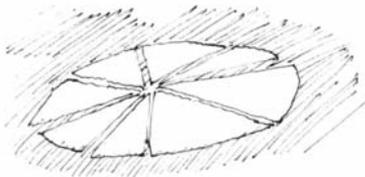
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЫСТАВКИ:

НИТЬ — СТРОИМ, МИРОВАЯ ЛИНИЯ, СРЕДСТВО СОЕДИНЕНИЯ
ОБОЛОЧКА — АНТИТЕЗА ВНУТРИ/СНАРУЖИ
СВЕТ/ТЕМЬ
<ВРЕМЯ>
<ПОЛЁТ>

ВНЕШНИЙ ВИД ПАВИЛЬОНА

оболочка из белого парашютного шёлка / диаметр оболочки 10 м.
РАСТЯГИВАЕТСЯ КРАСНЫМИ КАНАТАМИ
УКРЕПЛЕНА НА ДЕРЕВЯННЫХ МАНТАХ / высота 3-5 м. / — ЛЕСТНИЦАХ
сквозь «колесо» в центре оболочки, образуя отверстие в парашюте
и КРАСЯЖКАМИ («СОЛЯРИЙНЫЙ ЗНАК») на пол павильона проецируется
НЕБО. В обратном направлении на полу световым кругом размещены объекты,
способные формировать и трансформировать свет: ЗЕРКАЛА
«СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ»
ФОТОМАСТИКИ
ФОТОЭЛЕМЕНТЫ
ФЛЮОРИРУЮЩИЕ ФИГУРКИ

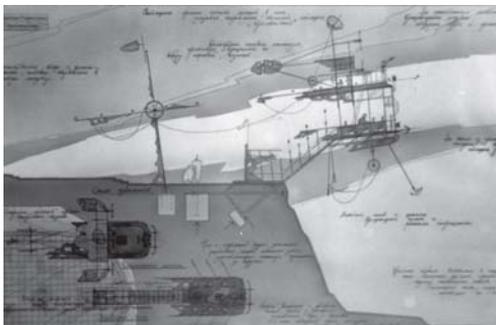

P.S. НА МАНТАХ МОГУТ БЫТЬ РАЗМЕЩЕНЫ
ФОКАРИ, ИСПОЛЗУЕМЫЕ ДЛЯ СОЗДАНИЯ
ПРОЕКЦИИ В ПЕРИМЕТРЕ ПОЛОУ И ВТУЛКАХ
P.P.S. ВЕРХУШКИ МАНТ М.Б. УКРАШЕНЫ ВОЙМПЕЛАМ

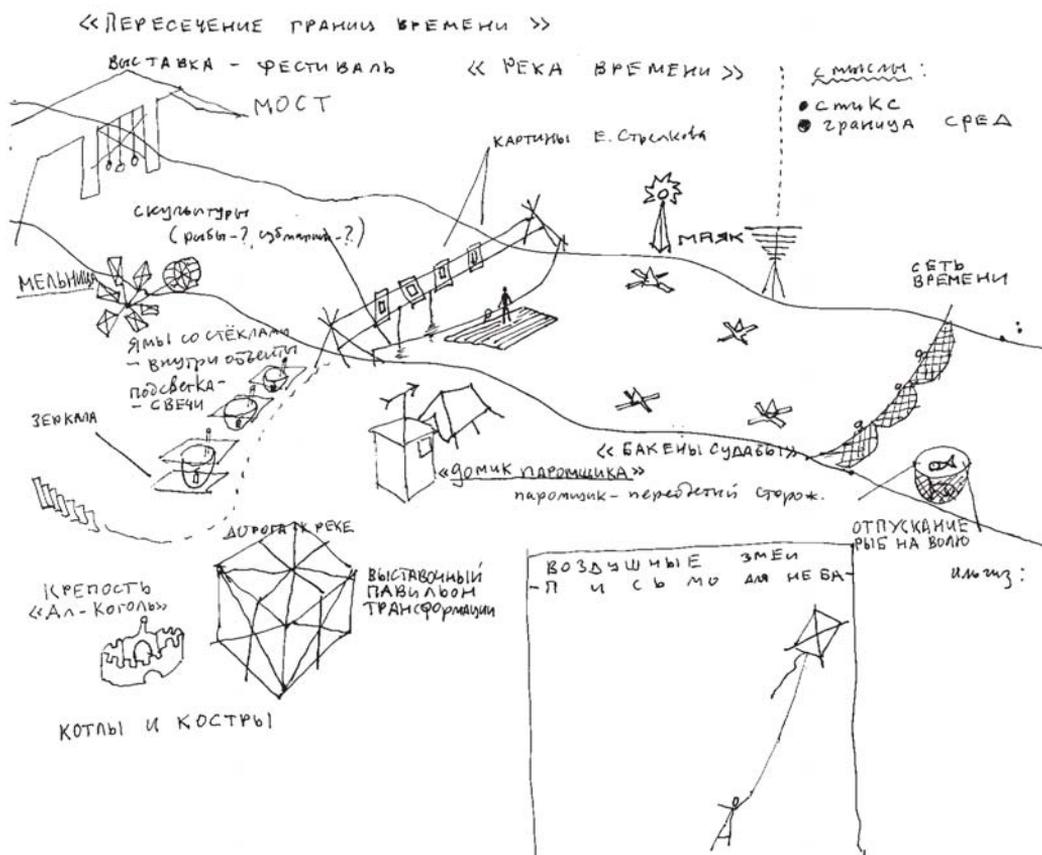
По стенам павильона расположили стеллажи с объектами
выставки, книги:

- КАРТИНЫ
- СКУЛЬПТУРЫ
- ИКОНАМИ
- КНИГИ
- МЕХАНИЗМЫ

В павильоне установлено несколько горящих керосиновых ламп,
раскачиваются маятники колеблются стенки павильона от ветра

ОТКРЫТИЕ НОВОГО ВРЕМЕННОГО КОНТИНЕНТА

1 мая 1997 года в деревне Дракино состоялся первый тренировочный полёт в 21 век. Более сотни взрослых и детей благодаря уникальному аппарату трандулёту, сконструированному скульптором Андреем Волковым, прыгнули в будущее, но к вечеру вернулись. Как утверждают учёные-времялюбы, для того чтобы сознательно и аутентично оказаться в следующем тысячелетии, нужно пройти курс специальной подготовки на дракинском трандулёте. Еще два года в День солидарности трудящихся Центр Управления Полётами на берегу реки Протва будет открыт для темпоральных тренировок.

Расскажу, что помню. Чего не помню, тоже расскажу. Не помню, как вернулась обратно. Не помню, на границе каких субъектов Российской Федерации расположен дракинский ЦУП. Зато помню, что на границе, и помню, как ехала туда — в автобусе. Молодой человек в черной майке и с золотой цепью навывпуск нежно сжимал в руках букет нарциссов, и алмазы на его не менее золотом кольце оптимистично поблескивали и подпрыгивали вместе с автобусом на каждом подмосковном бугре. «Неужели и все они в будущем такие? — думалось мне. — Такие милые и богатые». Между тем выяснилось, что молодой человек к тому же не по-человечески открыт и разговорчив. По его словам, на каждого жителя Москвы приходится по метру крыши, и если купить у москвичей за рубль такие метры, то чёрт знает что можно сделать на этих крышах. «Обратите внимание! — воодушевлённо кричал наш проводник. — Люди-то на дачи едут, а на крышах машин везут велосипеды, комоды, машинки пишущие. Не люди это на дачи едут, а крыши!» «Да он уже прыгнул, он уже видел будущее», — тихо радовалась я. Проехали Серпухов с красными флагами и демонстрациями. Потянулись за окном деревни, по обочинам которых сладко спали лиловые от Первомай и водки современники. Было утро, и сны их были утренними, то есть спокойными и вещими. Вот в один из таких спокойных и вещих снов мы плавно въехали на своем автобусе, а это означало, что проводник не сбился с дороги.

Сон оказался почти таким же золотым, как наш проводник. На брошенной дикой серпуховской земле вдруг дохнуло прибалтийской солнечностью, соленостью и архитектурой. Прямо за церковью, над обрывом навис дом-домище-домик с флюгером и прочной, намекающей на вечную жизнь, каменной кладкой. Тщательно посыпанные жёлтым песочком дорожки не оставляли сомнения в том, что первое испытание для прыгунов в будущее — оставить след на Земле. Я оставила, не мне судить, какой, да и признаться, сомневаюсь теперь — а был ли след? Через двадцать минут затоптали его иные, нечуткие к чужим следам следоносцы. «Не важно это, — сказала мне фея в образе девочки, — просто идите». И я пошла. Справа что-то отчётливо булькнуло. «Это булькомёт, — шепнуло существо в каске, оказавшееся солдатом будущего. — Бросьте в трубу камень. Он будет катиться и греметь. А потом упадёт в ведро с водой. Сколько раз булькнет, столько желаний и исполнится». У меня не булькнуло, и я решила больше никогда ничего не желать...

Не помню, как называлась та штука, с помощью которой можно без зазрения совести посмотреть на солнце. Тот, кто скажет, что это была обыкновенная сварочная маска, пусть никогда не увидит небесную сферу, удачно сработанную мастерами парашютного дела. Небо было надо мной и тихо шелестело своими шелками. Колокольчики звенели, их освещали керосиновые лампы и ласково подмигивали пролетающим мимо боингам. «Куда летите, олухи небесные?» — орала я им, вскарабкавшись по хрупким деревянным лестницам прямо на небо. Я-то точно знала, куда нужно лететь... или прыгать.

— Где тут топливо для трандулёта? — научный вопрос к пробегающим внизу людям с повадками спонсоров будущего. Топливо не замедлило явиться. Ангель, притворившиеся детьми, подали красное «Киндзмараули» и белую «Монастырскую». «Вот для чего они — трубопроводы будущего, — догадалась я. — Из Грузии прямо сюда ветку протянули!»

Чтобы скрыть слёзы умиления, сажаю на нос чёрные-пречёрные очки. «Снимите, пожалуйста, очки, — просит меня кто-то белый-пребелый. — У нас в будущем мы не разговариваем — мы просто смотрим друг другу в глаза».

Я не стала объяснять, что в наше время в глаза смотрят только прокуроры на допросе... и из вежливости сняла очки. И тут я наконец увидела трандулёт...

...Когда возвращаешься из будущего в настоящее, возникают проблемы со зрением...

Про то, что я увидела такого-растакого, чего раньше не наблюдалось, — об этом я вам не расскажу. Потому что, когда возвращалась домой в электричке, мне было одиноко и грустно. Но несмотря на это, объяснить словами увиденное я не смогла. А сейчас и по-прежнему не буду этого делать...

« » :

()

Задыхающееся сознание требует ГЛОТОК СВЕЖЕГО ВОЗДУХА... И он становится доступен, когда, пройдя все душевные (душевные) трансформации, мы остаёмся Один на один с пейзажем, как после Бани, после Брани, опустошённые и примирённые на Время с обстоятельствами своих Условий Бытия

« »

2001

ОБЪЁМ: ЛАНДШАФТ
Подмосковный пейзаж (средне-русская возвышенность) на излучине реки Протва недалеко от впадения её в Оку. Дом на холме (фасад выложен необработанным камнем), в котором живёт местный художник

Андрей Волков. Недалеко от дома – неухоженная церковь Св. Бориса и Глеба. На шоссе останавливается автобус, гости идут по просёлочной дороге **В ГОСТИ** к художнику...

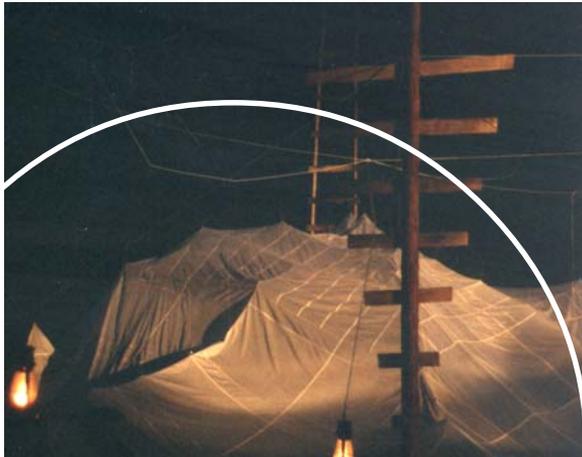

На подворье кипит жизнь. Нечто делают Помощники и Гости Хозяина Дома. Они же встречают Прибывших Гостей... Специально наряженный Мажордорм приветствует Вновь Прибывших Гостей по-свойски, снимая, тем самым, напряжение от возможной неловкости Первого знакомства и Представления Хозяину Дома. Он просит Прибывших Гостей переступить Символическую черту, после чего Каждый из них автоматически посвящается в Участники Акции по Подготовке к Пересечению Границ Времени.

Бытовой ритуал Представления Хозяину и Хозяйке Дома происходит через друзей и знакомых Хозяев. Каждый незнакомец должен по своему усмотрению выбрать себе подходящего Друга или Знакомого и совершить Ритуал Представления. Если подходящих Другов или Знакомых не находится, тогда для этих целей используется Маходорм.

ОБЪЕКТ-ПРОЦЕДУРА «ЧЁРНЫЙ ЯЩИК» под Креслом Командора. Заваривается электросваркой – внутрь помещается рулон туалетной бумаги – Самописец с механической рукояткой-воротом, как от машинки для заточки карандашей... Участники излагают свои сообщения о Многочисленных Личных Катастрофах на небольших визитках. Объект запечатывается (как Ящик Пандоры), на него ставится Клеймо (Печать Времени) и он помещается под Стульчак...

